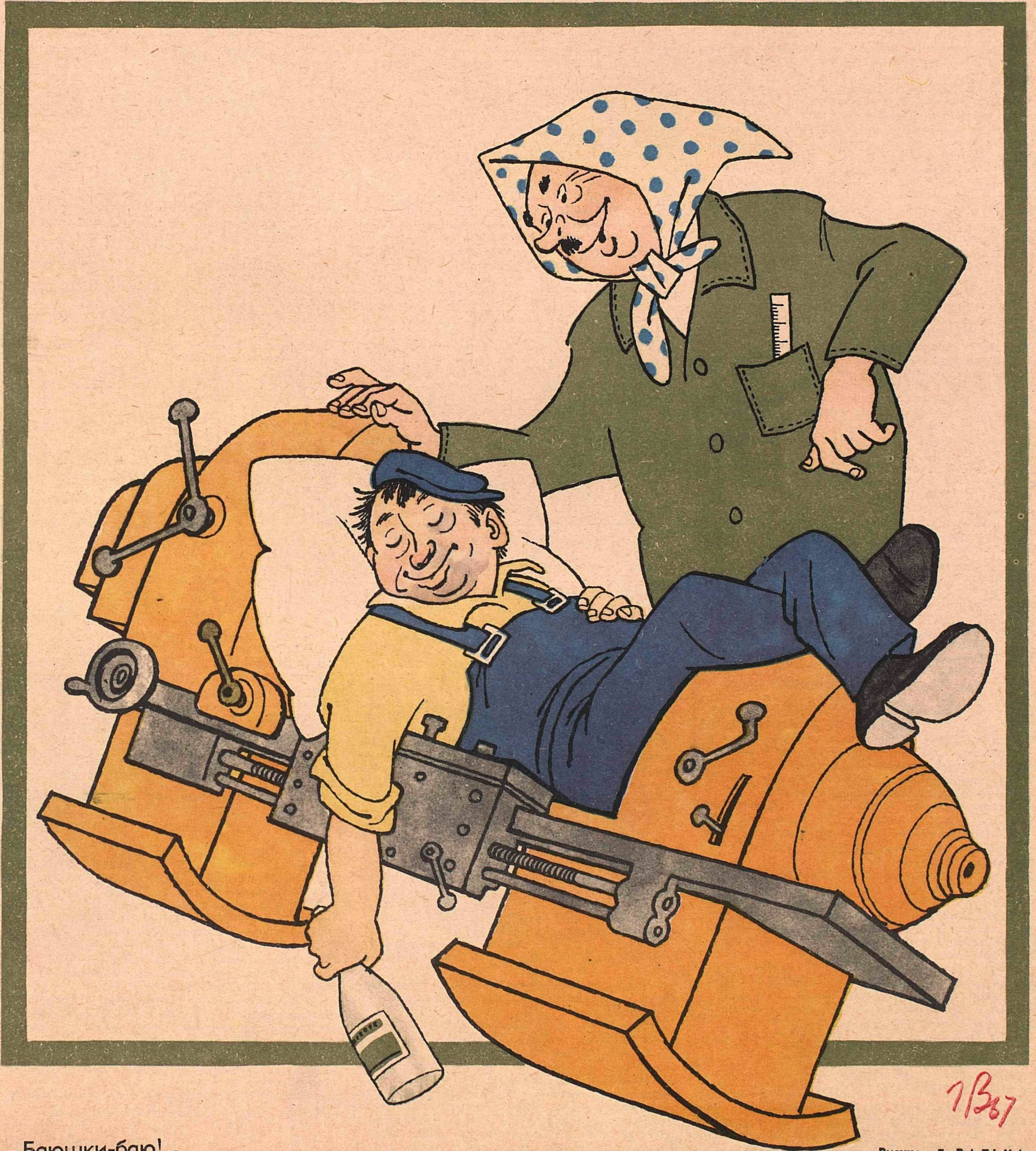

АДМИНИСТРАТИВНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ НЯНЯ

— Баюшки-баю!..

1/367
Рисунок Г. ВАЛКА

50

МОЕ ОБОЗРЕНИЕ: ГОДЫ И ФАКТЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ В GAUDEAMUSGRAD

Деяние Б. Годунова

К Борису Годунову можно относиться по-разному. Но нельзя не признать, что именно он спустил директиву положить начало «томскому городу и острогу».

И вот весной 1604 года к месту слияния речки Ушайки с Томью явился отряд служивых людей под предводительством казачьего головы Писемского и, подогревая свой трудовой энтузиазм возгласами «Гой-да!», претворил в жизнь царевы предначертания.

Перво-наперво, разумеется, соорудили острог: для устрашения врагов внешних (а заодно — и внутренних), затем срубили посад. Зажили. Скучновато только. Никаких тебе культурно-просветительных мероприятий. Разве только пожары. Уж больно часто горел Томск. Только с 1806 по 1817 год — 47 раз!

Оживлялась культурная жизнь лишь весной. Из села Семилужного с великой помпой несли в Томск образ святого Николая Чудотворца.

Вообще по числу икон на душу населения до-революционный Томск превосходил многие другие города. Городишко был всего ничего, а в нем — 29 церквей.

Да еще две тюрьмы были — губернская (обслуживала томичей и губернию) и «Центральная пересыльная». Последняя на 1200 посадочных мест. Но частенько скапливалось в ней до 3000 человек. И тогда в «Централке» не сидели, а стояли.

Возле «Централки» вечно толпились любопытные.

— Гляди, повезли! Радищевым, говорят, его кличут. Матушку-царицу обидел...

— Эвона!.. Два жандарма оберегают того, что в очках и с бородой.

— Это государев преступник Чернышевский. В Вилуйск его волокут...

— А это кто?

— Сочинитель. В книжках пишет. Станюкович по фамилии.

Так вот и жили томичи. На А. П. Чехова, например, бывшего в Томске проездом, город произвел удручающее впечатление. А в официальном отчете о Томске было сказано скупно и брезгливо: «Город никогда не отвечал элементарным требованиям благоустройства».

Сотворение университета

Теперь, пожалуй, трудно установить, кто первый сказал «Э!». Разговоры об университете начались еще в XVIII столетии. Сам Демидов грозился отвалить в пользу университета сто тысяч рублей. Но почти весь XIX век достославные самодержцы всея Руси отчаянно сопротивлялись: «Что? Университет в Томске?! Никогда!»

Порфиросным держимордам вторили обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Этот прямо-таки визжал: «Не допущу рассадника крамолы!»

И все же передовая общественность добилась своего. В 1880 году в Томске основали университет, а спустя восемь лет — открыли. Собственно говоря, открыли медицинский институт, поскольку университет состоял из одного медицинского факультета. Затем было дано высочайшее разрешение и юридическому факультету.

Тут, правда, вышла неувязочка. Царь рассчитывал подготовить кадры душевателей революции. А вышло как раз наоборот. Стали студенты собираться на сходки, бастовать, петь зажигательные песни:

Юной верой пламенея,
С Лены, Бни, с Енисея
Ради воли и труда,
Ради жажды жить светлее
Собрались мы сюда!

И, наконец, явились в Томск совсем уж грозные студенты — В. В. Куйбышев и С. М. Киров. Их имена ныне носят Томский государственный университет и Томский политехнический институт.

Занимательная арифметика

Говорят, цифирь — скучная материя. Смотря какая цифирь. Вот грустная. О ней поведал мне почтенный профессор Иннокентий Николаевич Бутаков, инженер-механик, окончивший технологический институт в 1906 году, ныне заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

— За участие в революционном движении наш институт закрывали на полтора года... Мой товарищ, Алексей Матросов, учился в институте 15 лет! Способный был человек, а нужда заедала — вот и ходил в вечных студентах...

А вот жизнерадостная статистика. В 1905 году в Томском университете училось 774 студента. Ныне в томских вузах (университет, политехнический институт, медицинский, институт радиоэлектроники и электронной техники, инженерно-строительный и пединститут) — свыше семисот кандидатов и ста докторов наук.

В Томске 320 тысяч жителей, а в вузах и 17 техникумах учится 66 тысяч человек. Каждый пятый житель Томска — студент. Только университет и политехнический институт дали стране более 30 академиков. За годы Советской власти томские вузы выпустили из своих стен более 80 тысяч специалистов.

В Томске шесть научно-исследовательских институтов. Запускается учебный атомный реактор. Томские бетатроны для лечения злокачественных опухолей прогремели на весь научный мир...

Я мог бы продолжать и дальше. Но вам, наверное, и без того уже ясно, что не всякая цифирь — скучная материя.

Путаница, которая изумляет

Как вы представляете себе профессора, доктора наук?

Борода, очки-велосипед, поднятый перст поучающий.

Однако нынче не тот доктор пошел, не тот профессор.

Собрали недавно в Томске совещание докторов и кандидатов наук. Некий товарищ глянул в зал и удивился:

— Каким ветром вон того подростка на солидное совещание занесло? Ох, уж эти мне студенты! Всюду проникают!

Товарищу объясняют:

— Извините. Это не подросток, а профессор, доктор наук. Светило! Только очень молодое.

— Хм... Ну и времена! Молодеет, значит, наука.

Очень метко сказал некий товарищ. В тридцать лет стали докторами наук Игорь Александрович Александров и Геннадий Андреевич Мясца. Докторов вроде тридцатитрехлетнего Е. Д. Гольдберга его коллеги считают уже «старичками».

Случаются путаницы и другого рода.

— Хотите, расскажу о Данииле Исааковиче Гольдберге, докторе медицинских наук? — предложил мне собеседник.

— Я уже знаком с ним, — отвечаю не без самодовольства. — Только, помнится, зовут его Евгением Даниловичем.

— Вот именно. Вы знакомы с сыном-доктором, а я имею в виду доктора-отца.

— Может, у вас в запасе еще какой-нибудь Гольдберг-доктор имеется? — не очень тонко пошутил я.

— Имеется. Александра Иосифовна Гольдберг, доктор, терапевт. Отец, мать и сын — все врачи, доктора наук.

— И много у вас в Томске... гм... династий?

— Хватает. Например, Воробьев Александр Акимович. Ректор политехнического института, физик, доктор. Жена тоже физик, доктор. И сыновья — физик, и дочь — физик. Или взять династию Петровых. Отец-физик погиб на фронте; его дело продолжают жена, заведующая кафедрой физической химии, сын Артур, декан радиофизического факультета, сын Алексей, кандидат физико-математических наук. Есть еще династия врачей Альбицких, геологов Баженовых, Хохловых...

Отсюда начинается...

Есть при Томском обкоме комсомола «Штаб ударных строков». Начальник штаба студент Женя Медведев скуп на слова. Ну, что там распространяться... Ну, есть пять студенческих отрядов. Ну, в свободное от учебы время добровольцы едут на лесозаготовки, радиофицируют села, протягивают линии электропередач, помогают строить дорогу Асино-Белый Яр. Что еще? Ну, Нефтеград строим...

Между прочим, Нефтеград — это на 61-й параллели! Пришли студенты в тайгу. Поставили камень, высекали на нем слова: «Отсюда начинается Нефтеград. 23.VII.1966». Зажили таежной жизнью, питались медажатиной и лосятиной, а таежный гнус питался студентами.

Повторяю, зажили по-таежному. Но ведь это студенты! Ребята с юмором, с выдумкой. Три института — педагогический, радиоэлектроники и медицинский — тут же организовали коммуну. Затем устроили «Казнь халтуры и брака». Смастерили чучела «халтуры» и «брака» и отрубили им головы. Так сказать, в назидание потенциальным лентяям.

Впрочем, без брака все же не обошлось. Но это брак особого рода, как говорится, законный, освященный фиолетовой печатью загса, заканчивающийся веселой студенческой свадьбой.

«Пятихатка»

Давным-давно, лет этак тридцать тому назад, построил университет на улице Никитина общежитие. Включая полуподвал — пятиэтажное. Вот и назвали его ласково — «Пятихатка».

В полуподвале столовая. Обыкновенная. Забегаловка. А студентам хочется иметь свое кафе. Пусть не такое шикарное, как «Под интегралом», что в новосибирском Академгородке, но все же кафе. Чтoб было где повеселиться, поострить, стихи почитать.

Долго бегали по инстанциям, наконец добились своего. Первым делом, конечно же, избрали совет кафе и президента — Гену Мамонтова, стали самостоятельно украшать помещение.

Приходит как-то заведующий бывшей столовой на свое рабочее место и глазам не верит. Вместо проверенных люстр с висюльками — современные светильники, стены в разные цвета выкрашены, колонны под кирпич расписаны. А это что? На стене танцующие пары.

Поблбеднел зав, спрашивает ужасным голосом:

— Это как понимать, а? А еще студенты, культурные люди! Зачем танцующие? Не стыдно, да? Смотрите, какой... этот самый... нижний бюст! Это же, простите, массовое бегство в абстракционизм...

— Да нет, все вроде нормально. Это стилизация.

— Я вам покажу стилизацию! — взвился заведующий.

И побежал жаловаться. В трест столовых.

Сперва, как водится, все перепугались. Еще бы, массовое бегство. Затем создали комиссию. Комиссия вынесла заключение: все очень здорово!

Я был на открытии кафе. Назвали его мило и просто — «Пятихатка». И сам секретарь Кировского райкома товарищ Сафронов танцевал со студентками вальс. И секретарь парткома университета товарищ Зубков танцевал вальс. А я и на твист решил. А на «Континенталь» не хватило духу. Старею, должно быть.

...Подавали на стол легкое вино. Было весело, хорошо. До того хорошо, что товарищ Зубков, вспомнив студенческие годы, запел старинный и вечно юный студенческий гимн «Gaudeamus igitur...»

Недаром студенты называют Томск «Gaudeamusградом».

Олег СИДЕЛЬНИКОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Томск.

Никто, ничто и вообще ни о чем

Когда не о чем писать, нужно писать НИ О ЧЕМ. Известно, что в нашей литературе имеется немало стихотворений, пьес и романов такого рода, только нет еще фельетонов. Пришло время заполнить этот пробел.

НИКТО встречается на каждом шагу. Если вам разобьют среди бела дня окно, не пытайтесь искать виновного. Это сделал НИКТО.

Когда со склада исчезают товары, известно, что их НИКТО не украл. В магазине, как правило, НИКТО не знает, где жалобная книга. НИКТО не знает, почему поезд опаздывает на два часа. Как правило, НИКТО не объяснит, почему сегодня один спектакль заменен другим. А ведь вы купили на него билеты месяц назад!

Совершенно ясно, что эти НИКТО, НИЧТО и слова, производные от них, довольно прочно утвердились в нашей жизни. Даже на традиционный вопрос: «Как поживаете?» — большинство отвечает: «НИЧЕГО»...

Что скрывать, довольно часто приходится слышать: НИЧЕМ не можем помочь, НИЧЕГО не знаем, обращайтесь в другое место и т. д.

Скромность всегда трогает до глубины души. Например, свидетели заявляют на суде: НИКОГО, НИКОГО не видели и НИЧЕГО, НИЧЕГО не слышали...

Или другой пример. Тыходишь в кабинет к начальнику, обращаешься с какой-нибудь просьбой. Он говорит:

— Я все улажу, мне это НИЧЕГО не стоит. Всего хорошего.

Когда приходишь во второй раз, он говорит:

— Я забыл, мне НИКТО не напомнил.

В третий раз путь преграждает секретарша:

— Он НИКОГО не принимает.

К сожалению, приходится еще наблюдать, как у нас иногда все превращается в НИЧТО. Так, из кожи, ткани, бумаги делают туфли, которые НИКТО не носит, костюмы, которые НИКТО не покупает, книги, которые НИКТО не читает.

Если же об этом заикнешься, тебя обрежут:

— Вас НИКТО не спрашивает!

Если поговоришь с художником или актером, оказывается, что их НИКТО не ценит. Хулиган тоже недоволен: его теперь больше НИКТО не воспитывает. Рыболов жалуется, что НИКТО не клюет.

Я, конечно, не за то, чтобы обеднить наш язык, легкомысленно выкинув НИКТО и НИЧТО из нашего словаря; я за то, чтобы выкинуть НИЧТО из нашей жизни.

На этом я заканчиваю фельетон НИ О ЧЕМ, а если меня упрекнут, что он НИКОМУ не нужен, отвечу:

— Вы НИЧЕГО не понимаете!

(«Шлуота»).

Перевела с литовского Ел. КАНТОР

— На банкет понадобится, по самым скромным подсчетам...
— А вы не скромничайте, не скромничайте!

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Пожалуйста мыться!

С тех пор как Зощенко написал про баню, мыльной воды уткло много. Наверное, целую Волгу шайками разобрали, а то, может, и больше.

Ну, и баня, конечно, сейчас уже не та. Сейчас баня стала покультурней. Объявлений на стенах побольше. Банщики стали злей. Только с номерками дело по-прежнему. Как она была, беда, так беда и осталась. Неразрешимая, видно, эта проблема. Потому что как ни крутись, а голому человеку номерок олять-таки девать некуда. Хоть тресни!

Конечно, работники бань тут не виноваты. Тут скорей виновата природа, которая в свое время не позаботилась придумать к человеку какой-нибудь небольшой карман или сумку на манер кенгуриной. При всей своей мудрости природа не сообразила, что человеку придется ходить в баню.

Но я лично верю, что через пару миллионов лет такой карман у человека появится. Люди будут выживать в борьбе с администрацией бань. А те, которые не выживут, вымрут в порядке естественного отбора.

Но только это когда будет! А в баню-то и сейчас ходить надо.

Прихожу вот я недавно. Занимаю очередь, покупаю билет. Контролер рвет его пополам, и я шагаю в раздевалку. Снимаю

плащ, кепку, гардеробщик говорит:

— Давайте билет.

— У меня,— отвечаю,— его у входа разорвали.

— Там у вас оторвали одну половину, а мне вы должны отдать вторую.

Я—туда, я—сюда, нет половинки. Не ожидал, что она понадобится. Кинул, наверное, куда-нибудь.

— Ведь я,— говорю,— прошел уже через один контроль. К чему такая сверхбдительность? Не в банке,— говорю.

Ни в какую! Делать нечего. Возвращаюсь, снова стою в очереди, покупаю второй билет. Наконец сдаю плащ—получаю номерок. С дыркой. А куда его девать, неизвестно.

Захожу в предбанник, гляжу по сторонам. А там объявлений на стенах развешано—уйма! На все случаи жизни. Строгие объявления, все под стеклом, как картины старых мастеров. И что с номерком делать, там, разумеется, сказано: «Полученный из гардероба номерной жетон во время купания храните при себе в мыльном отделении. В случае утери жетона баня № 1 за сданные вещи в раздевальное отделение и гардероб не отвечает».

Да, думаю, дело серьезное. Надо к чему-нибудь привязать, и покрепче.

Подхожу к банщику, прошу веревку. Тот поглядел на меня довольно подозрительно и отвернулся.

— Да мне,— говорю,— не подумай чего плохого, номерок привязать.

— Ах, номерок! Так бы и говорил. Все равно нету. А ты его на палец надень.

Напялил я свой перстень, пошел мыться. А какое тут мытье, когда только и думаешь, как бы его не потерять. Потеряешь—не исключено, без штанов останешься. Администрация за них не отвечает. Себе дорожке, думаю, такое мытье.

Возвращаюсь поскорей в раздевалку, хочу снять номерок, а он не снимается. До этого снимался, а тут не снимается. Ну, то есть никак. Может, туго надел, а может, палец распарился.

Люди советуют:

— Ты посиди часок, охолонь трошки, он, глядишь, снимется. А сидеть в предбаннике, прямо скажу, муторно. Грязь какая-то под ногами, газеты мокрые, листья от веников.

Я говорю банщику:

— Ты бы, папаша, бумагу куда-нибудь вымел. Здесь порядок должен быть. Не в банке,— говорю.

Тот отвечает:

— А чего ты, милоч, меня учишь? У тебя, небось, дома

грязнее, чем тут. Вот дам тебе, милоч, шваброй по морде, и больше ты никого учить не будешь.

Очень я разволновался от этих слов. Так разволновался, что даже номерок с пальца соскочил. А потом посмотрел—банщик пьяный. Мне и ругаться с ним не захотелось. Ушел я от греха подальше.

Читатель, конечно, может полюбопытствовать: что это, дескать, за баня, где она? Или, может, автор все выдумал от нечего делать?

Нет, товарищи! Про баню нам пока что выдумывать нет острой необходимости. Поскольку все это происходило на самом деле в лучшей рязанской бане № 1. Можно, конечно, и банщика указать—Парнев его фамилия. Он и сейчас там работает. Так что пожалуйста мыться!

А. НИКОЛЬСКИЙ,

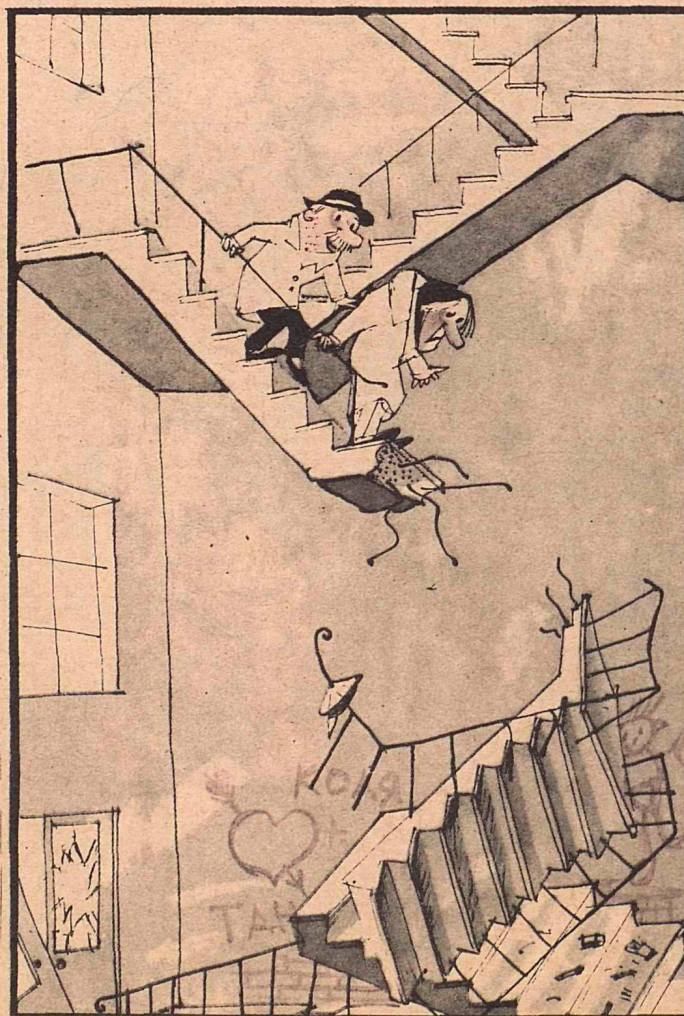
специальный корреспондент
Крокодила

г. Рязань.

— Сколько раз я тебе щебетала: не вей гнезд в курортных местах!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Видно, вчера вечером подростки опять собирались в нашем подъезде!

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

НЕПРИЯТНОСТИ ОТ БЕЗОПАСНОСТИ

Пешеход не может пожаловаться, что о его безопасности не заботятся. Скорее он может пожаловаться, что о ней слишком заботятся. В частности, ОРУД-ГАИ. Кроме свистков, для этой цели существует целая серия плакатов, наковые предусмотрели, кажется, все случаи нарушений правил уличного движения. Под картинками назидательные стихи.

Вот, к примеру, такой плакат. Некий беспечный гражданин, ничтоже сумняшеся, шествует через трамвайные пути. Подпись гласит: «Стоящий трамвай обходи только спереди, а не сзади».

Если поверить, что это стихи, то они достаточно точно срифмованы. Только вот ударение в последнем слове почему-то не спереди, а сзади».

На другом плакате две картинки. На левой — один ошалелый

мужчина перебегает дорогу автомашины. На правой — его, лежащего на носилках, водружают в другую автомашину — «Скорой помощи». Стихи разъясняют:

«Он забыл, что островок безопасности бережет от такой неприятности».

Не будем критиковать поэта, который пытается убедить пешехода, что «безопасность» и «неприятность» — рифма. Но разве он убедит нас в том, что когда человека на носилках вручают «Скорой помощи», это всего лишь «неприятность»?

Радостно, что с нарушениями правил уличного движения борются при помощи наглядной агитации. Но иногда хочется вот такие наглядные пособия во избежание «неприятности» обходить «сзади»...

И. АСТОВ

Изъятые мечты

Бульдозер был заветной мечтой рыбаков колхоза «Арктика». Длинными полярными ночами, когда снегопады по макушку заваливали дома рыбаков, утешала одна мысль: «Скоро будет бульдозер!»

Вышестоящее объединение «Якутскрибпром» с полным пониманием относилось к рыбацкой мечте. Оно сочиняло молящие письма и рассылало батальоны «толкачей» по машиностроительным градам. Но письма оседали в далеких канцелярских столах, а возвращавшиеся «толкачи» виновато разводили руками.

И вдруг — счастье! Из Челябинска сообщили, что могучий бульдозер «494А», нетерпеливо рыча мотором, ждет, когда за него заплатят 7 200 рублей.

Это был первый бульдозер, полученный рыбной промышленностью Якутии. Дорогого первенца решили отправить в самый северный колхоз страны — «Арктику».

Праздничное ликование воцарилось на Быковом Мысе, перечеркиваемом морозной 72-й параллелью. Месяц ликовали рыбаки, другой, третий. Уже четвертый пополз, а бульдозера нет как нет.

— Слушайте,— обратились рыбаки к начальнику ближайшей железнодорожной станции Коршуниха,— к вам случаем наш груз еще не пришел?

— Когда придет, сообщим.

— А вы поройтесь в документах. Наша накладная № 120499. Бульдозер из Челябинска.

— Ах, бульдозер? — спохватились железнодорожники.— Был здесь один, так мы его Коршуновскому комбинату отдали. Попытайтесь у них отобрать.

— То есть как это отобрать?!

— Это уже не наша забота. Да и навряд ли у вас выгорит. Комбинат — организация не вам ровня, его не переспоришь. Лучше подарите им этот бульдозер — и дело с концом.

— Нам спорить ни к чему,— насупились рыбаки.— Мы официально жаловаться будем.

— А мы официально ответим.

И ответили: «Ваш груз бульдозер «494А» ошибочно отдан дирекции Коршуновского ГОКа и не может быть вам возвращен, т. к. находится в эксплуатации... Прошу Вашего разрешения (согласия) на передачу дирекции ГОКа этого груза. Начальник станции Коршуниха Зуева П. И.»

Бульдозер был заветной мечтой самого северного в нашей стране колхоза «Арктика». Не доехала мечта до места назначения. Изъяли по пути.

В. Н.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ОДЕССКОЕ ВРЕМЯ»

Приезжий из Кривого Рога И. Кац сообщил, что в некоторых учреждениях бытового обслуживания Одессы нарушаются часы работы.

Как пишет в редакцию секретарь Одесского ГК КП Украины тов. Н. Неизвестный, заметка «Одесское время», опубликованная в журнале № 3, обсуждалась в коллективах магазина «Курорт-продторга» и ресторана «Аркадия» треста ресторанов «Курортторга». Директору ресторана тов. Алавердну предложено усилить контроль за работой буфета. Продавец овощного киоска тов. Куриная наказана.

Почтамт принял необходимые меры по улучшению обслуживания жителей гостиницы «Аркадия».

ГОТОВЬ САНИ ЛЕТОМ...

В магазинах гор. Донского, Тульской области, невозможно купить некоторые товары широкого потребления, в том числе и перчат-

ки. Об этом говорилось в заметке «Ни в Чудове, ни в Любани» («Крокодил» № 3).

Как сообщил редакция заместитель председателя исполкома Тульского областного Совета тов. А. Бирюков, факты, указанные в заметке, подтвердились. В настоящее время принимаются меры для увеличения выпуска перчаток и варежек. На фабрике «Заря коммунизма» в ближайшее время начнется их производство. На Донской чулочной фабрике запроектировано строительство цеха по вязке перчаток и варежек.

ОПЕЧАТОК НЕ БУДЕТ

О небрежном оформлении реклам и вывесок магазинов в Ленинграде говорилось в заметке «Огненные опечатки» («Крокодил» № 9).

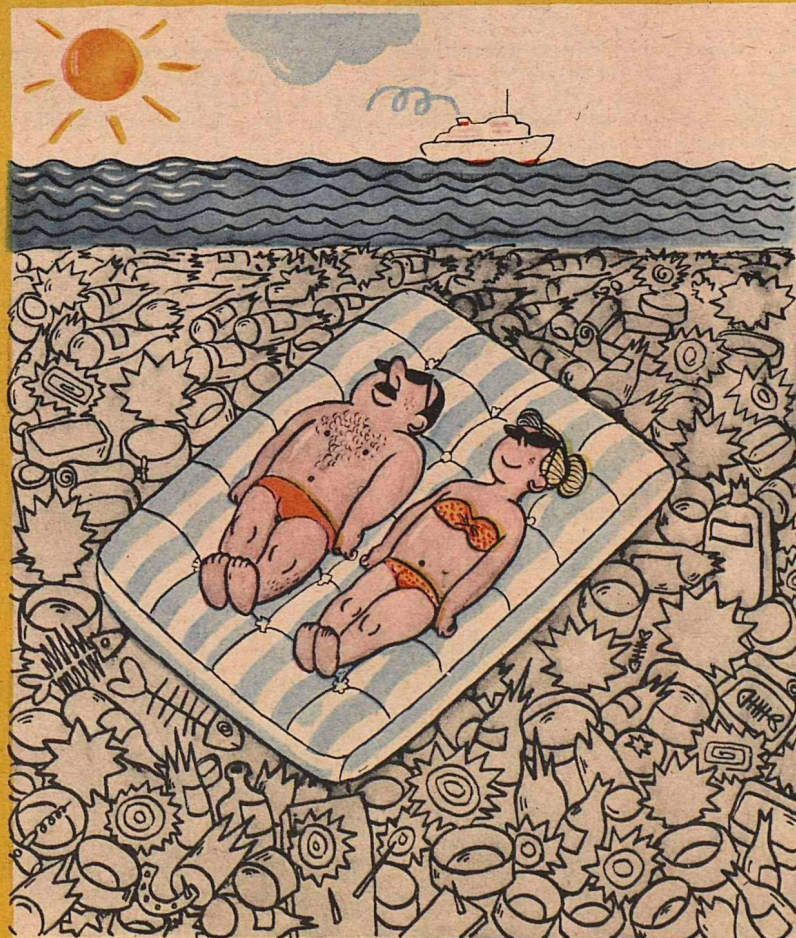
Заместитель председателя Ленгорсовета тов. И. Попов сообщает, что по решению Ленгорисполкома комбинатами «Газосвет» и «Росторгрелам» отремонтированы все газосветовые вывески и надкрышные установки.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Моя реклама

ПОКУПАЙТЕ

МАТРАСЫ!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

МАЭСТРО, ТОЧИТЕ ЛОПАТУ!

Ах, как давно это было! Двенадцать лет назад, совсем еще молодым человеком, я пришел наниматься в Музфонд СССР, переписывать ноты.

— Поете с листа? — строго спросил кадровик, бестелесный и длинный. С листа я не пел.

— М-да, — сказал бестелесный и длинный. — Партитуры вам не осилить. Вам у нас места нет. Вот тут рядом Собачья площадка — идите туда. Нынче люди с собаками не успевают гулять, занятые. На Собачьей и формируют как раз сводную группу пуделей. Будете их прогуливать по утрам и в обед, пока нету хозяев. Плата хорошая.

И я уже пошел было прочь, как вдруг набежал некто маленький, толстенный, животом погнав бестелесного в угол и зашептал про меня:

— Но ведь он молодой! А уже на носу месяц июль. Понимаешь? По этой странной причине, что я молод, а на дворе месяц июль, мне дали место.

— Инструктаж вам сделают наверху, — сказал кадровик. Наверху меня взял за талию пожилой человек.

— Юноша! — сказал он. — Спасибо вам от коллектива, от семей и иждивенцев сотрудников. Мы у вас в неоплатном долгу!

— Я... — сказал я.

— Нет-нет-нет! Мы должны благодарить вас. Нам дают разнарядку: один человек от Музфонда должен ехать на месяц в колхоз. Но кому из нас ехать? Я страдаю блуждающей грыжей. Слсжите всех остальных, и вам не собрать одного здорового и молодого. И тут приходите вы... Вы рыцарь, молодой человек. Мы сделаем все насчет вашей высокой оплаты!

Очень приветливо со мной обошлись. А в сентябре я поехал в колхоз.

— Привет, ребята! — сказал я работникам, сидевшим в избе.

— Садись! — приказал нетрезвый гигант с прилипшей ко лбу головной кильки. — Паша Черный Лебедь меня зовут. От мелких организаций мы все. Ты тоже, видать, подставной? На время уборки взят?

— Тоже, — сказал я и, уважая обычай, через колено отломил себе хлеба.

— И я, — сказал нетрезвый гигант. — Шестой год подрячают. И по лекторскому окладу ездил, и вроде как врач от санэпида, а нынче парфюмеры меня подрядили. Начальнику я ихнему говорю: «Змей ты, Аристарх Николаич, змей, не человек! Проведи меня по окладу главного технолога, а то не наймусь, не выручу. Картошку копать — это каторга при другом-то окладе!» Ну, он обещал. А сердцем я чую: обжулит.

До октябрьских дождей мы тогда копали картошку. Московский завод «Калибр» (человек триста), завод «Металлист» (человек сто) да сто подставных от мелких организаций.

— Ну вот, — сказал в октябре Паша Черный Лебедь. — Откопались. Зарплату как получу за технолога — в городе гульбу открою. Аристарх Николаич, змей, теперь долго от меня не открутится. Будет платить. КЗОТом его замучаю. Шантаж произведу. Ты, гляди, на будущий год приезжай. Своей компашкой теплее.

— Так сказал Паша Черный Лебедь, прошедший полную школу нетрудовых растений психики.

Но жизнь повернула по-своему, в компашку мы больше не слились. Тысячи положительных перемен произошли с той поры. Двенадцать лет — срок презрительный. И отрывкой прошлого вспоминался П. Черный Лебедь, копчик картошки с зарплатой технолога. Как вдруг...

— Эй, — сказал мне в новокузнецкой закуской нетрезвый гигант. — Не узнаешь? Павел я, Черный Лебедь! Завтра отбываю в поля. Часовая артель подрядила, оклад мастера дали.

— Стало быть, не пропала потребность в тебе? Гляди, сколько лет...

— Какое! — приосанился Паша. — Я кругом нарасхват. Я аж и водки больше не пью — коньяки! А что? Дельного работягу с города кто отпустит в колхоз? Его не отпустят. Он план да качество давит. Значит, только и есть поклоню, что мне. Фигура я. Ценный. Пойду лопату точить. Нынче уж со своей лопатой ездить положено.

И я поехал за Пашей.

Чудная прошлогодняя осень баюкала картофельные равнины Сибири. Неблесткая луна освещала пути. Белый палаточный городок маячил вдали, и я пошел туда, на огонь. У костра сидел пожилой человек с напильником и печально смотрел на груды лопат.

И как был неправ безобразный Паша! Он что-то плел плохое про город, но горбод посылал на уборочную кампанию тысячи лучших людей. Это их палатки белели окрест. А печальный человек с напильником был машинистом. Не подставным, а настоящим.

— Двести человек нас тут, из депо Новокузнецк, — сказал он. — В колхозе Димитрова землю лопатим. А в депо работа к чертям летит.

— А там что, там вон, далеко?

— «Металлург» в той стороне, совхоз. У них литейщики с Кузнецкого комбината копают. Литейщики да сталеплавильщики. А в той стороне — Ильинский совхоз, копает научный институт ВостНИГРИ. А в той стороне — завод Кузнецкий машиностроительный. Уж второй день как приехали, а все по вечерам песни поют. Несгибаемые, видать, люди.

— А что же техника, комбайны, копалки?

— По телевизору это, товарищ. В практику оно не вошло.

Луна катилась к рассвету. Оттуда, где разбили свой стан несгибаемые кузнецкие машиностроители, слышалась песня. Там, у дальних костров, людей сидело с две сотни.

— Хорошо поете, — сказал я там, набиваясь на разговор.

— Запоешь! — с ненавистью сказал товарищ руководящего вида.

— Тоже техники нет в совхозе?

— Какая уж техника! Совхоз вовсе стыд потерял. Мы в совхозе № 5 шефы. Эдак пойдешь к бригадиру совхоза: «Почему у вас, товарищ, копалки опять в прорыве?» А он говорит: «Но-но! Много вы понимаете, городские. Лопатой копайте, а то справки не дам».

— Справки, значит, так и остались?

— Остались. Едешь как шеф, доброволец, а попадаешь головой в силки. И пугает сразу тебя совхоз: ну, только попробуй, шеф, нам не угодить, не потрафить — о прodelанной работе справок не выдадим. И что? Помыкают. На завод-то без справок не сунешься, сразу выговорами обвешают. Ну, пора выходить. Вон и Шишкин, ответорганизатор, бежит.

И они вышли в поле — сотни рабочих, технологов и инженеров с ведрами и другой средневековой снастью. Батальное сверканье вспыхивало на кромках лопат.

— Вот, — сказал ответорганизатор завода Александр Васильевич Шишкин. — На заводе я начальник отдела труда и зарплаты. Мы долго воспитывались в том духе, что, дескать, мы не жадные. Но теперь пора учиться быть жадными. Позвольте, я скалькулирую. Сначала нас, добровольцев, запугивают: «Копай лучше, а то справок не будет!» Потом идут дальше: «Эй, горожане, а где ваши машины? Гоните машины, а то справок не будет!» Приходится нанимать машины. И тут же: «А грузить на машины кто будет? Ну-ка грузить, а то справок не будет!» Грузим. И при этом совхоз обязательно принимает позу кормильца.

Но если по справедливости? Убираем мы картошку в совхозе — так ты, совхоз, накорми людей! Не кормит. Дай молока парного в заводской детсад! Не дает. Дай свежих продуктов в заводской санаторий! Нет.

Все здоровые связи нарушены. А поскольку известно, что на будущий год все равно шефы приедут, то и о технике заботятся кое-как. Техника — хлопоты. Пусть горожанам ковыряет лопатой.

А лопатой — это сотни тысяч человеко-часов, потерянных для производства. Нанимать бы, конечно, Пашу Черного Лебедя, но нету в нужном количестве. И что должен делать в этих условиях П. В. Иванов, хороший начеха (на шее висят 7 га картошки)? 410 человек работают в цехе. 250 из них вывез Иванов на уборку. Копали вручную. Старались, но в срок не осилили. Что Иванову? Выговор. Резко. В приказе.

А там уже ему зреет выговор за перебой с цеховой квартальной программой: работали мало, в полях находились.

И директору зреет взбучка от главка: невыполнение заводом того да сего. Уборка уборкой, а продукция пусть не хромает!

И министерству даст нахлобучку Госплан: за лихорадки, убытки, авралы. Случаи, описанные здесь, произошли не сегодня. В нынешний сезон копать еще не начали. Но уже гремит шанцевый инструмент, извлекаемый из цеховых кладовок. Шефы собираются в дорогу.

И самое время серьезно поставить вопрос о шефстве. Шефство, бесспорно, нужно. Но в такой ли форме?

А. МОРАЛЕВИЧ

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

— Что такое ад, я узнал после того, как женился на тебе! — кричал Михаил Федорович, бегая по комнате.

— Что такое отвратительный человек, я узнала, выйдя за тебя замуж, — спокойно произнесла Ольга Павловна, убирая со стола посуду.

Михаил Федорович побагровел.

— Отвратительный человек! — повторил он. — А ты забыла, сколько этот отвратительный человек сделал для тебя, для всех твоих идиотов-родственников...

— Что-о-о? Идиоты? — сказала Ольга Павловна. — А ты старый, облезлый третьесортный баран...

— Баран... облезлый... третьесортный!.. — повторил Михаил Федорович, и лицо его стало спокойным. Уходя с чемоданом, он сказал жене: — Ольга Павловна, завтра вам позвонит адвокат, который будет вести дело о разводе.

Одиноким Михаил Федорович оставался недолго.

У друга на новоселье Михаилу Федоровичу мило улыбнулась соседка по столу, и затем она еще более мило улыбнулась, когда вышла с ним под руку из загса.

Наладив личную жизнь, Михаил Федорович энергично приступил к реорганизации вверенного ему учреждения.

Был уволен как несправившийся с работой папа бывшей жены и заменен папой жены действующей.

Была уволена по собственному желанию мама бывшей жены и заменена новой тещей.

Была ликвидирована должность экономиста-статистика как излишняя, потому что у новой жены брата не было.

И, наконец, сократив четырех бухгалтеров-ревизоров до одного (у новой жены был только один дядя), Михаил Федорович закончил реорганизацию.

Оскорбленные в своих лучших чувствах, родственники первой жены собрались у нее.

— Воспитывали, воспитывали дочь, ничего не жалея, и вот результат! — кричал папа. — Устраивая мужу скандалы, ты думала о своих родителях, о всех своих родных? Где я найду такое место? Но я это дело так не оставлю! — распялся, продолжал папа. — Я напишу про твоего бывшего мужа, что он занимается кузовством, что вместо квалифицированных работников, прекрасно знающих дело, он устраивает к себе своих полуграмотных родственников...

— Да, да! — подхватила мама. — Он на мое место взял какую-то старую обезьяну! А я там так хорошо работала, сколько вывезла кофточек и платьев!

— А я так плодотворно готовился к защите диссертации! — заметил бывший экономист-статистик Витенька. — Никто мне не мешал, никто не отвлекал!

— Не кричите, — сказала бывшая жена, — успокойтесь!.. Я уверена, что на моем жизненном пути снова встретится тот, кто вас устроит. И в прямом смысле и в переносном.

— Большой, вы почему здесь ходите, распорядок нарушаете!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Золотые ребята поехали на олимпиаду, а до- мой бронзу привезли.

В спорах рождается истина, если, конечно, сгоряча ее не пришибут.

Сборная команда болельщиков вышла в фи- нал в сопровождении милиционера.

Он искал славу, а слава искала другого. Того, который ее не искал.

Он готов сделать мне добро, но боится оста- вить отпечатки пальцев.

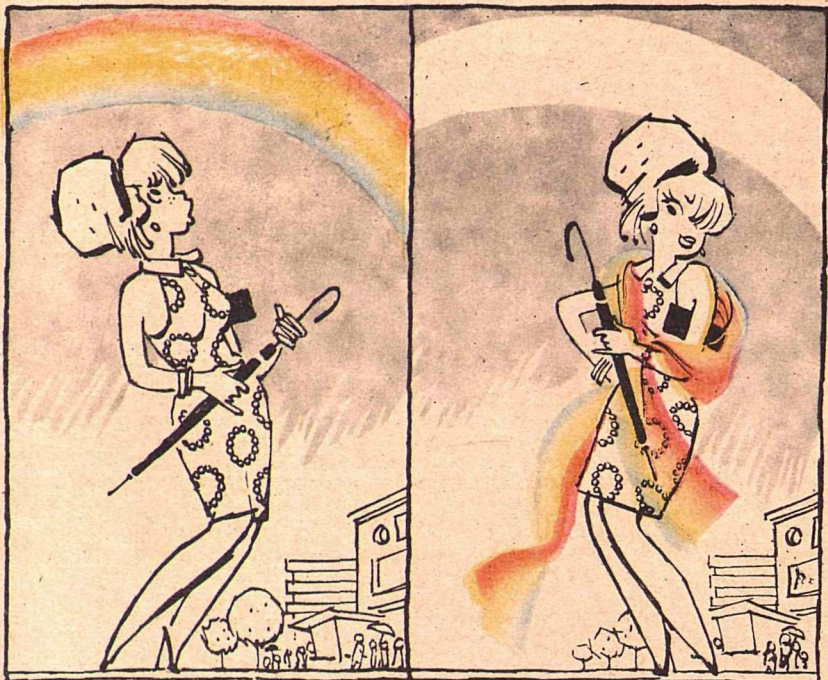
Резизора забросали драгоценными камнями: резизия происходила в Ювелирторге.

Начальник метеостанции распределил обя- занности: взял себе громы и молнии, вменив подчиненным бури оаций.

Директор текстильного магазина не верил в закон сохранения материи.

Л. МИТНИЦКИЙ

Барбу РАБИЙ

Достала.

— С тех пор, как поставила мотор, вздохнуть некогда!

Кто хоть раз был в русской бане, тот поймет меня.

Представьте себе, что вы зашли в парильное отделение, ухая, окатили себя холодной водой и собираетесь влезть на полок — попариться. И тут вдруг перегорают пробки, и вы оказываетесь в полной темноте.

Мокро, скользко, душно; вы бродите, для страховки выставив вперед березовый веник, и кричите в неизвестное пространство:

— Эй, кто там есть? Включите же свет!

Приблизительно так чувствовал себя бог Саваоф до сотворения мира. Даже хуже, потому что у него и веника не было. Надо сказать, был бог терпелив и находился в такой неудобной обстановке довольно долго — целую вечность. Но наконец и его терпение иссякло.

«Хватит! — подумал он. — Пора что-нибудь создать, а то, не ровен час, и умом тронешься... И вот, создам-ка я землю».

Было темно, и только по запаху бог определил появление земли. Тогда, спохватившись, он закричал: — Включить свет!

И стал свет.

При свете бог сразу понял, что пока ничего путного не получилось. Земля смешалась с водой, образуя непролазную грязь. Преодолевая только что появившиеся, новенькие силы земного притяжения, Саваоф выбрался из жижи и взлетел. Тут ему очень пригодился опыт вечного парения в пространстве.

Летая, он соскабливал грязь с ног и соображал, что делать дальше:

«Очевидно, надо придумать базу, на которой я мог бы находиться. Пускай небо затвердеет. Над ним будет вода и под ним вода — вернее, вот это грязное болото. А я буду гулять посуху и строить планы на дальнейшее. Требуется мне твердь».

Сказано — сделано. Правда, по твердому небу пришлось расхаживать вверх ногами — точь-в-точь муха на потолке, но Саваоф, как я уже говорил, был терпеливым стариком.

И был вечер, и было утро: день второй.

— Ну вот, а теперь надо отцедить воду от земли.

Образовались материки и океаны. Бог прицелился и, перевернувшись в воздухе, ловко спрыгнул на облюбованное им место, на территорию нынешней Турции.

— А ведь хорошо! — сказал он удивленно, пощупав почву. — Ай да я! Не всякий такое придумает! А земля-то первый сорт! Просто жалко, что впустую пропадает. Засеять бы ее, кормилицу, чем нитю!

Каждое желание бога исполнялось немедленно. Буравя почву, отовсюду стала прорастать зелень: трава, кусты, деревья. Для быстроты деревья вылезали из земли сразу готовыми, с ветками и листьями. Зато к вечеру все было в полном ажуре.

И был вечер, и было утро: день третий.

Да, я не рассказал еще, как это получалось: день, и вечер, и утро. Дело в том, что бог сотворил определенную порцию света. Свет понесся по Вселенной со своей обычной скоростью — триста тысяч километров в секунду. Чтобы не пришлось создавать все время новые дозы света, бог запустил его по большому кругу: удаляясь, свет образовывал вечер, приближаясь, — утро.

— Нет, неладно так, — сказал Саваоф, вглядываясь в приближающийся свет. — Будем самокритичны. С землей у меня получилось здорово, ничего не скажешь, а со светом — не особенно. Носится, как ошалелый, туда-сюда. В глазах рябит. Надо создать постоянные источники света. Тогда и поработаем спокойно.

Бог сделал солнце и луну; чтобы они не упали, он прилепил их к небу, поскольку оно было твердым.

Сейчас отдельные личности недоумевают: как это так — твердое небо? Где это вы видели твердое небо? Оно же воздух! К сведению этих личностей: любое газообразное тело можно превратить в жидкое, а затем и в твердое. Все зависит от температуры и давления. Бог создал небо твердью не совсем, а на период строительных работ, для удобства. После каждой стройки леса убираются; так и бог, закрутив всю солнечную систему, впоследствии устранил твердь.

На пятый день земля выглядела вполне прилично, вся в яркой зелени. Во многом она уже походила на нашу современную землю: например, тогда так же невозможно было достать растворимый кофе или газовые холодильники «Север-5».

— Ну, что бы еще придумать? — сказал, потирая руки, Саваоф. — Может, флажки развесить для красоты? Или нет, изготовлю-ка я разную живность.

Работу он распланировал так: на пятый день сделал рыб, земноводных и птиц, а на шестой — млекопитающих, более сложных, трудносоздаваемых тварей. А ночью между этими днями, когда бог спал, развелись насекомые. В боговом плане они не значились, это точно, и как они развелись, науке пока неизвестно. Может, здесь сработала нечистая сила?

Ну, судите сами: кидать блох, комаров и мух, а энцефалитный снулся-то утром оттого!

— Это что еще за бог, ухватив клопа Я тебя не создавал!

Клоп разговаривать ему было не до того, волю.

— И потом, я же бавил бог, — а я так траву.

Клоп опять ничего варивать не умел; за пальцев, упал на землю.

— Вот оказия! — пр

цы. — А впрочем, пусть уничтожат. Вот я сейшо!

Он создал бронтозавра.

— Вот это звери! — та, вы тут плодитесь и жизненных условий — являть. Вымрете — сам техник и ответственность.

И он принялся творить реи и устал страшно.

— Сегодня суббота, вдрызг бог, — а я еще кончать со зверями. С позабавнее — и все!

Он сделал утконоса, рыбьими повадками, стал лепить человека. был похож на бога по

какая радость была богу созда-
ли таежного гнуса? А навозные
и клещ? Бог, собственно, и про-
то, что его в шею укусил клоп.
а гадость? — брезгливо сказал
пальцами. — Ты откуда взялся?

не умел, а если бы и умел, то
он старался выкарабкаться на

у, ты питаешься кровью, — до-
ого не разрешал. Надо есть

не ответил, потому что разго-
то он вывернулся из боговых
млю и удрал.

ворчал Саваоф, нюхая паль-

ОБРЕНЕНИЕ МРА

кай. Маленькие они, грех их
час создам что-нибудь боль-

ра, игуанодона и мастодонта.
— похвастался он. — Ну, ребя-
и размножайтесь, но насчет
чур! — претензий не предъ-
и будете виноваты. Я не зоо-
ть с себя слагаю.

ить все новых и новых зве-
короткий день, — вспомнил
хотел сделать человека. Надо
сейчас придумаю кого-нибудь

— зверя с птичьим клювом и
охохотал над ним вдоволь и
Ему хотелось, чтобы человек
о своему образу и подобию.

Но что-то сначала ничего не получалось. Обезьяна
была первой пробой. Потом пошли всякие пере-
ходные модели, те, что сейчас по науке называ-
ются синантропами, питекантропами и гейдельберг-
скими людьми. И вдруг — стоп! — получилось что-
то очень похожее.

— Ага! — закричал, радуясь, Саваоф. — Вот оно!
Он дунул на свое создание, оно зашевелилось,
улыбнулось богу и, почесываясь, встало на ноги.

— Привет! — сказал бог. — Ну наконец-то есть хоть
с кем душу отвести. Ты — человек, ясно? Да влады-
чествуешь ты над рыбами морскими, и над птицами
небесными, и над зверями, и над скотом, и над
всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающими-
ся по земле! А зовут тебя Адам. А я бог. И зовут
меня Саваоф. Вот и познакомились.

— Здравствуйте! — сказал вежливо Адам.
Бог засмеялся. Он впервые услышал голос, по-
добный своему, и подумал: «Как это все-таки хоро-
шо, что я теперь не один!»

— Ну, пойдем, пойдем, Адам! — заботливо ска-
зал он. — Пойдем, я тебе и жилплощадь приготовил.
Вот тут ты будешь жить, нравится? Это Эдем, зем-
ной рай, тут всего полно — и груш, и орехов, и ман-
даринов. Ходи себе да жуй. Испить захочется —
четыре речки под боком: Тигр, Евфрат, Аракс и Нил.

Надо сказать, что с Нилом бог немного напутал:
Нил находился на полторы тысячи километров юго-
западнее, а никак не под боком. Вероятно, у бога
закружилась голова от массы новых впечатлений.
Адам об этой ошибке узнал позже, а пока прини-
мал все на веру.

— Ну, зачем же четыре! — смущенно сказал он. —
Мне и одной за глаза. А купаться тоже можно?

— Не только можно, но и нужно! — весело от-
кликнулся бог. — Делай все, что хочешь. Одно толь-
ко прошу: вон там, на горке, дерево стоит, видишь?

— Яблоня, что ли? — сказал Адам, вглядываясь.

— Нет, это — особое дерево.

— Хурма?

— Это — древо познания добра и зла! — внуши-
тельно сказал Саваоф. — Плоды с него не ешь. Их
мало, мне самому только-только до зимы хватит.
Замечу — худо будет! В день, в который ты вкусишь
от древа, смертью умрешь.

Адам испугался. Ведь он не знал ни детства, ни
юности, а появился на свет сразу взрослым и про-
жил пока всего ничего. Понятно, что тут же уме-
реть в его планы не входило.

— Не буду, не буду! — замотал он головой. — За-
чем мне эта хурма? Я вон арбузы буду есть или
малинкой побалуюсь...

— Вот только один ты, это нехорошо! — задумал-
ся бог. — Человек должен жить в коллективе.

— Да ну, зачем это! — беспечно махнул рукой
Адам. — Я с тобой буду, господи. Мы с тобой — од-
на семья, куда ты — туда и я.

— Я тебе не товарищ. Я бог — владыка твой. Соб-
людай субординацию. Сейчас тебе сделаю жену.
Повелеваю: спи!

Адаму спать не хотелось, ему хотелось посмот-
реть, как бог будет творить жену, но он послушно
свернулся калачиком, закрыл глаза и неожиданно
для себя захрапел. Бог перевернул его на спину и
стал внимательно разглядывать.

— Надо ампутировать какую-нибудь часть тела и
превратить в женщину. Ухо, что ли, отрезать? Не-
красиво будет, несимметрично. Нос? Тогда ему ню-
хать нечем будет. Палец? Тоже некрасиво: с од-
ной стороны пять пальцев, с другой — четыре. А
вот, пожалуй, выну-ка я ребро. Что-то много у него
ребер, целых двадцать пять штук. Возьму одно, и
останется по двенадцати с каждой стороны.

Выломав у спящего Адама ребро, Саваоф повер-
тел его в руках.

— Ну-ка, ребро! Три, четыре — превратись в жен-
щину!

Ребро упало на песок, завертелось, стало быстро
расти, принимая человеческий облик. И вот перед
Саваофом уже стояла нагая длинноволосая краса-
вица. Бог подпрыгнул, хлопнул себя по бокам.

— Ай да милашка! Звезда экрана! Ну, здравствуй,
кошечка, здравствуй! Я твой создатель, а ты Ева.
Запомнила? А это муж твой спит, ты его не буди.
А как проснется, поцелуй его нежно и скажи:
«Здравствуй, дорогой Адам! Я жена твоя, Ева!»

Ева, покраснев, застенчиво кивнула головой.

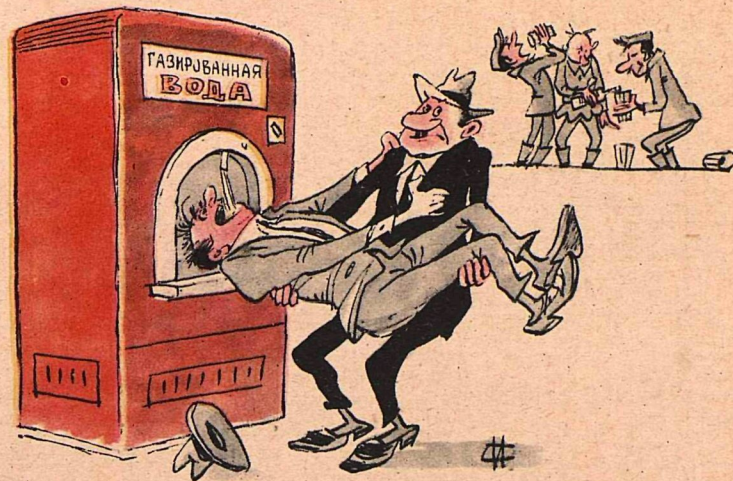
— Да что ты потупилась — ты оглянись, оглянись!
Видала, какую землю я за неделю отгрохал! Как
считаешь, заслужил денек отдыха? То-то. Завтра мне
не надоедайте, сами уж тут займитесь чем-нибудь.

Саваоф ушел. Часа через два Адам заворочался
и открыл глаза. Над ним склонилось милое жен-
ское личико.

— Что? Кто? — спросонком встрепетнулся Адам. Он
сел и торопливо пригладил волосы.

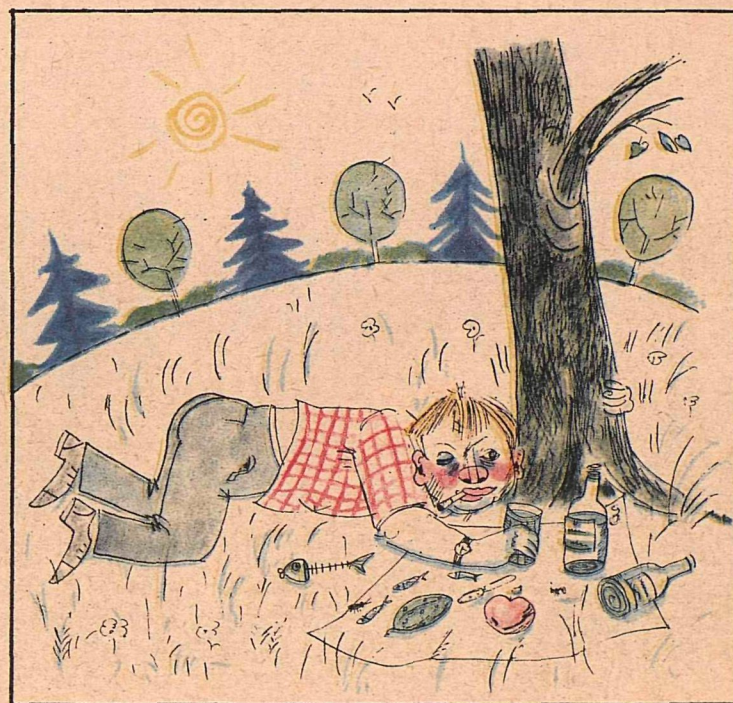
— Здравствуй, дорогой Адам! Я жена твоя, Ева! —
сказала женщина.

И поцеловала его в губы...

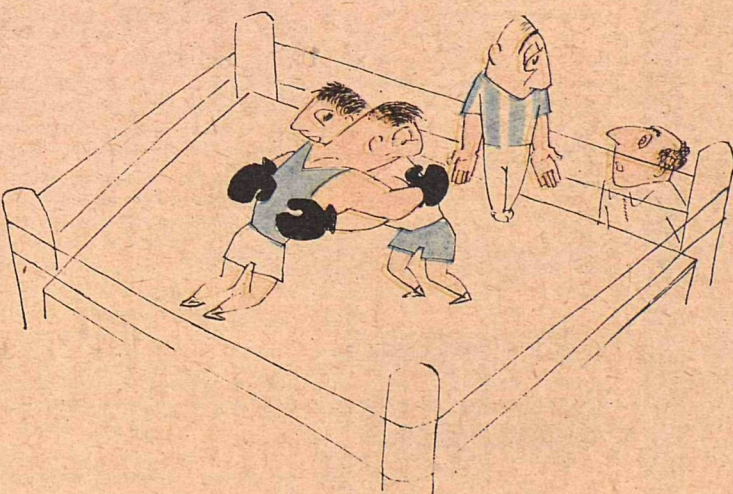
Решение проблемы.

Рисунок И. СЫЧЕВА

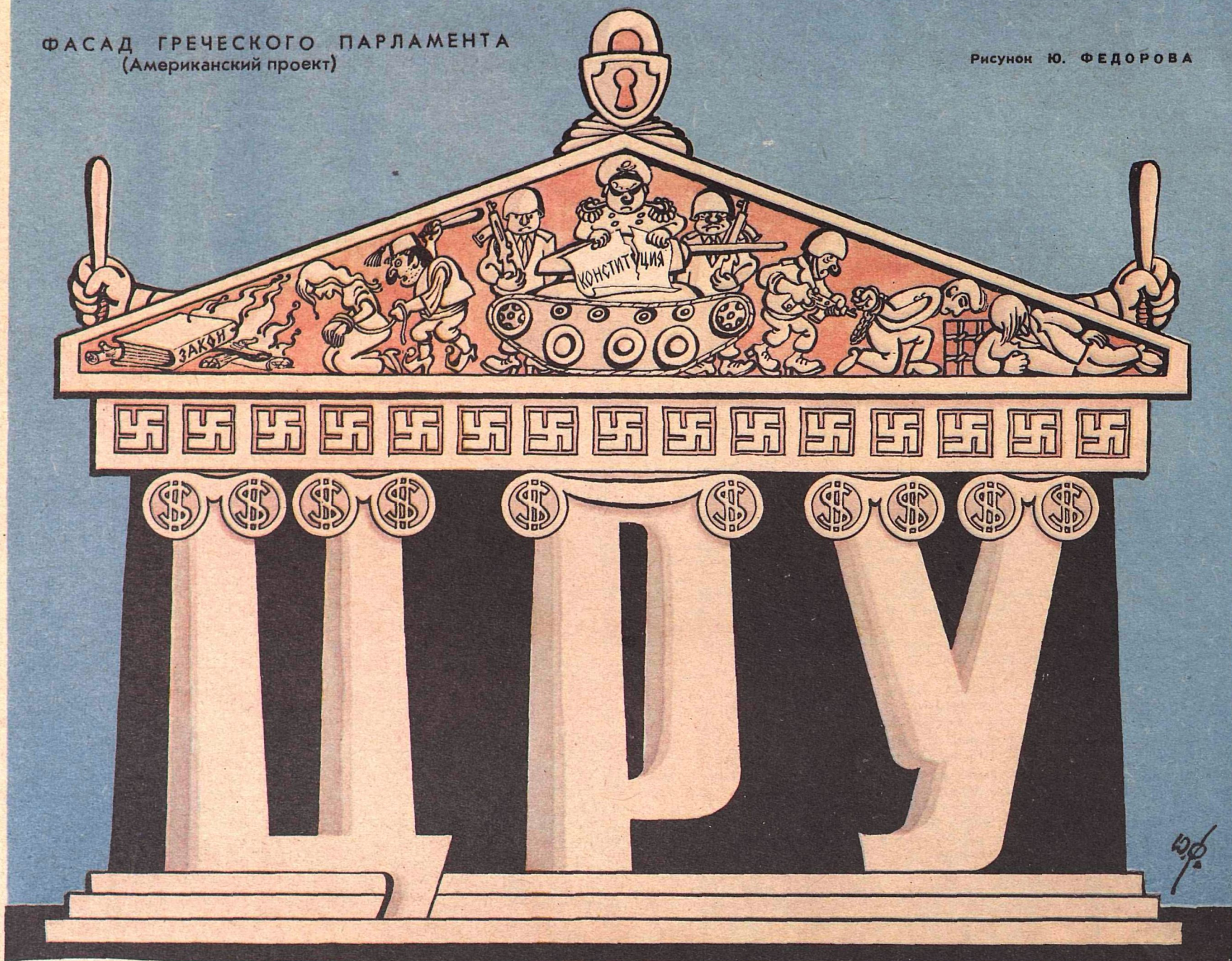
— Ну разве в городе так отдохнешь?

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

— А борьбу судить я не умею.

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА

Сэм РАССЕЛ,
английский публицист

**Как
лорд Керзон
потерял
брюки,
а также
покой**

В «коридорах власти» британского министерства иностранных дел, под сенью мраморных бюстов политиков минувших времен чиновники дипломатического ведомства любят поговорить о «почивших в бозе титанах прошлого».

Но ни об одном деятеле не ходит столько историй, сколько о пресловутом лорде Керзоне, кавалере ордена Подвязки, кавалере Большого креста Индийской звезды, человеку, занимавшем в роковое пятилетие — с 1919 по 1924 год — пост главного государственного секретаря по иностранным делам его королевского величества.

Этот министр иностранных дел потерял и брюки и покой. И по странному стечению обстоятельств то и другое он утерял одновременно и в одном месте, а именно на Лозаннской конференции 1922 года, где его светлость ринулся в битву, отстаивая божественное, по его мнению, право Британии решать будущее Европы.

Итак, начнем с брюк. В то время у лорда был камердинер, о котором говорили, что в профиль он похож на римского сенатора, каковым он не являлся, а в фас сильно смахивал на алкоголика, каковым, кстати, был на деле. Последнее обстоятельство причиняло так много затруднений дипломатам Форин-оффиса, что они умоляли своего

шефа избавиться от этой «персоны нон грата».

Лорд Керзон, который был снисходителен к «черни» при условии, что «чернь знает свое место», долго упирался. Но однажды вечером, после очередного заседания Лозаннской конференции, когда Керзон закатил грандиозный бал в Бо Риваж отеле, выходящем окнами на Женевское озеро, разразился скандал. Танцы были в разгаре, и тут вдруг дипломаты с ужасом обнаружили, что в зале появился разряженный в парадную униформу и пьяный в стельку камердинер. С идиотской улыбкой он ухватил за талию американскую миллионершу и поволок ее на площадку для танцев. Не сделав и двух шагов, он рухнул плашмя на пол, увлекая за собой миллионершу.

Камердинера в конце концов уволили, но он еще дал о себе знать. Пару дней спустя лакей, одевший Керзона к какой-то государственной встрече, никак не мог сыскать запропастившиеся невесть куда брюки. Все возможные и невозможные места были обысканы, вызвали полицию, но все безуспешно. Спустя несколько дней загадочно исчезнувшие брюки сыскались под скамейкой в одной лондонской пивнушке. То была страшная месть камердинера.

Что же касается покоя, то его лорд

Керзон потерял по вине возглавлявшейся Чичериным советской делегации на Лозаннской конференции. И не только покой, но и пост министра иностранных дел и надежду заполучить кресло премьер-министра.

По словам одного восторженного биографа, «империалистическая политика Керзона зиждилась на убеждении, что господь лично избрал британские правящие классы в качестве инструмента своей божественной воли».

С 1898 по 1905 год Керзон был британским вице-королем Индии — пост, который самым ярким образом символизировал собою британский империализм XIX и начала XX столетия. Керзон с презрением относился не только к «подчиненным расам» в Индии, но и к своему собственному народу. Примеры? Извольте.

Однажды во время первой мировой войны, когда лорд Керзон посетил Францию, ему показали большой пивоваренный завод, превращенный в огромную солдатскую баню. Наблюдая сотни окутанных паром голых тел, его светлость изволили заметить: «Боже! Я и не подозревал, что у низших классов такая белая кожа!»

Нетрудно представить, как потрясен был благородный лорд, когда в Лозанне представители этих «низших классов» не

ДАЛЬНОЗОРКОСТЬ РЕВАНШИСТОВ

БОНН. Висевшая в главном коридоре здания бундестага политическая карта мира была недавно заменена другой — на ней обозначены некоторые новые африканские государства. Одно лишь осталось без изменения на этой карте — по-прежнему западные земли Польши показаны на ней как входящие в состав... гитлеровского «рейха».

Налицо явное заблуждение, именуемое реваншистской дальностью зрения: боннские господа хорошо видят далекие континенты, но не желают разглядеть повнимательнее ближнюю послевоенную Европу. При таком заблуждении глаз недолго споткнуться и расширить лоб.

СПРОС
НА МАКИ

ВАШИНГТОН. Президент Джонсон вдевает в петлицу традиционный маковый цветок в день поминовения павших на полях сражений.

Говорят, что в связи с намерением президента отправить во Вьетнам еще 200 тысяч солдат вокруг Белого дома срочно закладываются обширные плантации красных маков.

НУЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА НУЖНОМ МЕСТЕ

ЛОНДОН. У Кристин Килер, дамы наипрочнейшего поведения, «обессмертившей» свое имя скандальным романом с министром обороны Профьюмо, была загадочная подружка того же пошиба — Мэнди Райс-Дэвис. На многочисленных газетных фотографиях Мэнди неизменно красовалась рядом с Кристин.

Последние несколько лет пресса проявляла досадное безразличие к судьбе мисс Райс-Дэвис. Но вот имя Мэнди опять мелькает в заголовках. Она заявила, что намерена добровольно пойти медсестрой в израильскую армию.

Ценное пополнение получает израильская армия, ничего не скажешь! Как гласит английская пословица, нужный человек на нужном месте.

Долговременная огневая точка.

Рисунок Н. Лисогорского

только оказались за столом напротив него в зале конференции, но и дерзнули перечить ему и даже бросили вызов его божественному праву решать — чему быть и чему не быть в Европе. «Это достойное сожаления московское правительство», — говорил Керзон, и при этом в горле его клокотала аристократическая классовая ненависть.

Нужно ли удивляться, что благородный лорд предпочитал иметь дело с денкиными и врангелями, на которых он потратил миллионы, пытаясь влить жизнь в белогвардейское воинство? И все-таки в конце концов он был вынужден объявить через английскую военную миссию в Севастополе в 1920 году: «В данный момент мы бессильны добиться того, чего хотелось бы генералу Врангелю».

Этот «данный момент» волею истории растянулся на долгие времена, более долгие, чем жизнь самого Керзона вместе с его упованиями на уничтожение молодой Советской республики. Ибо в то время, как он лез из кожи вон, науськивая белогвардейцев на «низшие классы» России, низшие классы Британии, со своей стороны, дали ясно понять, что они тоже бросают вызов божественным правам лорда Керзона. И отказ лондонских докеров грузить на корабль «Джолли Джордж» военное

снаряжение для использования против Советов был еще одним ударом по и без того пошатнувшемуся душевному покою его светлости.

По правде говоря, казалось, что лорд Керзон никогда уже не оправится после того майского дня 1920 года, когда два представителя нового Советского государства — Красин и Клышко — встретились на Даунинг-стрит, 10, с представителями английского правительства.

Опубликованное вслед за этим коммюнике гласило, что «имела место предварительная дискуссия по вопросу восстановления торговых отношений между Россией и Западной Европой» и что позднее Красин и Клышко «проследовали с Даунинг-стрит на парад конной гвардии», в то время как «премьер-министр Ллойд-Джордж проследовал в Уэльс, чтобы присутствовать на посвящении в сан архиепископа Уэльского».

Не знаю, был ли юмор этого коммюнике случайным или сознательным, но автор коммюнике — неизвестный государственный чиновник — нанес основательную пощечину лорду Керзону: сообщение о времяпрепровождении большевиков и британского премьера было составлено с одинаковой серьезностью и равным почтением. Большевикский дипломат — живой, всамделишный представитель Ленина — имел личную бесе-

ду с британским премьером, и премьер, находившийся в обществе лорда Керзона и трех других министров его величества, остался цел и невредим после встречи с ужасными большевиками, представлявшими «это достойное сожаления московское правительство».

О времена, о нравы!

«Установлен весьма серьезный контакт, причем Британская империя от этого не рухнула», — писала на следующий день одна английская газета. Но лорда Керзона не устраивал такой оборот событий, и задолго до наступления эры «холодной войны» он породил, по выражению Ллойд-Джорджа, эру «замороженной дипломатии» в советско-английских отношениях. Ультиматум Керзона Советскому правительству в 1923 году был типичным образчиком этого «ледяного ветра»¹.

Его светлость забыл, однако, что он уже не восседает в золотом креслице под балдахином на спине своего вице-коро-

левского слона в подчиненной ему Индии и что прошли времена, когда британский военно-морской флот мог угрожать стереть в порошок черноморские порты по причине дурного настроения лорда Керзона, вызванного несварением его министерского желудка.

Керзонская дипломатия с ее ультиматумами, писала другая английская газета, — «это плевок против ветра, которые относит нам же в физиономию». Органически присущий Керзону антисоветизм все более и более не соответствовал духу времени.

Один личный друг его светлости заявил в это время: «Керзон по складу своего ума не мог избавиться от предвзятости, будто его класс избран господом для того, чтобы править миром».

Как отмечал Ллойд-Джордж, Керзон оказался не в состоянии понять, что «Советы пришли, чтобы остаться, нравятся ли нам это или нет. И чем скорее мы наберемся мужества признать этот факт, тем скорее будет упрочен подлинный мир».

Керзон этого не признавал, и оттого он потерял душевный покой, каковой, в отличие от брюк, так и не смог никогда больше обрести.

Лондон. Июль.

¹ Керзон требовал отзыва советских послов из Ирана и Афганистана, денежного возмещения за репрессированных английских шпионов, сужения советской зоны береговых вод с 12 миль до 3 и т. п. (Примечание редакции.)

НЕ В ДУХЕ...

Люди иногда болеют. Потому и существуют аптеки, больницы и прочие медицинские учреждения. Чтобы, значит, быстрее выздоравливали заболевшие.

Нет ничего удивительного в том, что так именно думала и жительница Баку гражданка Трещеткина Евдокия Николаевна. Случилось, что заболели сразу двое из ее троих детей. Одного положили в больницу, а другой остался дома. Ему прописали лекарство, и мать отправилась в ближайшую аптеку. Но в ней нужных порошков и микстур не оказалось. Возвратили рецепт и в другой и в третьей аптеке. Вконец растерявшись, гражданка Трещеткина направилась в детскую консультацию Азводздрава. Заведующая этим медицинским учреждением Закия Джавадовна Искендерова приняла ее вежливо, но помочь ничем не сумела. Она направила ее в детскую больницу Азводздрава, вручив записку на имя главного врача Абдуллаевой.

С этого момента первая, так сказать, тихая половина злоключений гражданки Трещеткиной завершилась, и началась другая половина — бурная.

Прочитав записку, Мешади Мамедовна Абдуллаева грозно взглянула на посетительницу и обрушила на нее бурный поток возмущения: какое, мол, ты имеешь право нарушать покой главного врача!

Гражданка Трещеткина попробовала было возразить, но ее слова потонули в крике, всполошившем всю больницу:

— Идите куда хотите, никого я не боюсь!

«А может, и в самом деле никого не боится!» — подумала гражданка Трещеткина и решила отправиться к самому начальнику Азводздрава товарищу Гамбарову. Он-де рассудит по справедливости.

— Кто такая! — сурово спросил Гамбаров. — Кто пропустил!

— Я сама пришла, — сказала гражданка Трещеткина, чувствуя приближение грозы. — Лекарство бы мне...

— Какое еще лекарство! — возмутился хозяин кабинета. — Тут не аптека, а Азводздрав.

— Но... — попыталась объяснить посетительница.

— У меня неприемный день! — отрезал Гамбаров и обернулся к другому посетителю. Потом зашел еще кто-то и еще... А гражданка Трещеткина все стояла: ведь дальше ей отступать было некуда.

— Как, вы еще здесь! — изумился Гамбаров. — Сейчас же убирайтесь вон!

Признаться, тут гражданка Трещеткина не сдержалась. Она сказала начальнику Азводздрава несколько ответных слов. Что-то насчет закоснелого бюрократизма и отсутствия чуткости...

Сосуд долготерпения медицинского начальства переполнился, и оно угрожающе крикнуло:

— Я тебе покажу!.. Я тебя посажу!..

Не прошло и минуты, как прибывшие по звонку Гамбарова милиционеры составили протокол, и гражданку Трещеткину усадили в машину с решетчатыми окошками. Хорошо еще, что не арестовали мальчонку, который был с ней.

А Евдокия Николаевна никак не могла найти связь между милицией и лекарством для больного ребенка. Не нашла ее и за те девять суток, которые ей пришлось провести в камере предварительного заключения.

Впрочем, она еще дешево отделалась. Ведь вначале собирались состряпать дело на большой календарный срок. Но потом была принята во внимание ее безупречная служебная характеристика и инвалидность, полученная еще во время войны. У кого-то пробудилась совесть. Наконец-то...

Ясон ГЕРСАМИЯ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Баку.

ПО ТВЕРДОЙ ТАКСЕ

В доме Ивана разбило ветром форточное стекло: Позвал он одного паренька на помощь. Паренек мигом согласился, мигом и стекло вставил. Сразу видать: мастер своего дела.

— Спасибо, — говорит Иван. — Сколько за работу?

— Трояк, — спокойно отвечает стекольщик.

— За что же трояк-то? Вроде бы дороговато...

— А у вас алмаз есть? — в свою очередь, спросил паренек.

— Нет...

— Вот то-то!

И в самом деле, разве отпилишь стекло пилой? Расплатился Иван сполна. На прощание еще раз спасибо сказал.

Вскоре после этого понадобилось ему привезти доски. Остановил машину. На его счастье, она как раз шла в том же направлении.

— Довезете, товарищ?

— Отчего же не довезти, — охотно согласился шофер.

«Какой хороший человек!» — подумал Иван.

А когда груз был на месте, от души поблагодарил водителя:

— Спасибо, товарищ, выручили.

И направился к калитке.

— Э, нет, милейший, спасибо-то вы себе оставьте, а мне — вот! — И он энергично потер большой палец о два других — жест, понятный каждому.

— Сколько вам?

— Такса известная: рейс — трояк, — равнодушно ответил шофер.

— Да ведь груз-то невелик, и по пути было...

— А для нас все равно: что кузов дров, что одна доска.

Иван сунул хрустящую бумажку водителю и поспешно юркнул в калитку.

...Дело шло к зиме. Люди к холодам готовились. Распилил дрова и наш знакомый. Колоть начал. И случись же такой грех: топориче переломилось. В магазине не было. Сам не умел по плотницкому ремеслу. Пришлось обратиться к плотнику. Пошел утром пораньше, чтобы дома застать. Рассказал о своей неудаче.

— Ну, что ж, не хочу вас обижать. Давайте трояк на похмелье. А топориче к вечеру будет готово.

— Да что вы, эта штука в магазине и рубля не стоит.

— Да что вы, эта штука в магазине и рубля не стоит.

— Жди, пока привезут, а колоть-то надо. Да ведь я такую игрушку сделаю — ни в одном магазине не купишь. Навечно.

Пришлось согласиться.

Шло время... Привык наш герой к заведенному порядку. Выточат ли ему болт к велосипеду, заменят ли колосники в печке, он, не задавая наивных вопросов, молча вручал зеленую купюру.

Недавно попросила Ивана мать форточку запечатать на зиму. Вколотил он гвоздик и говорит:

— Трояк, мамаша.

— Что-что? — всполошилась старушка.

— Трояк, — словно робот, повторил тот. Лицо его было каменным.

Расплакалась бабка.

— Люди добрые! Да что же это творится? Родной сын норочит ободрать.

— Стареее, мамаша, оттого и слезы. Я же не заломил с вас пятерку. Трояк — как обычно.

«СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ»

ИСКУШЕНИЕ

Автослесарь Пузырьков, проходя с друзьями мимо шашлычной после получки, резко снизил скорость и сказал:

— Ребята, есть предложение! А давайте пройдем мимо! Давайте возьмем себя в руки и первыми в нашем автопарке откажемся от дурной традиции — пить в день получки.

Все засмеялись, кроме двоих. Один недоверчиво спросил:

— Ты что, серьезно?

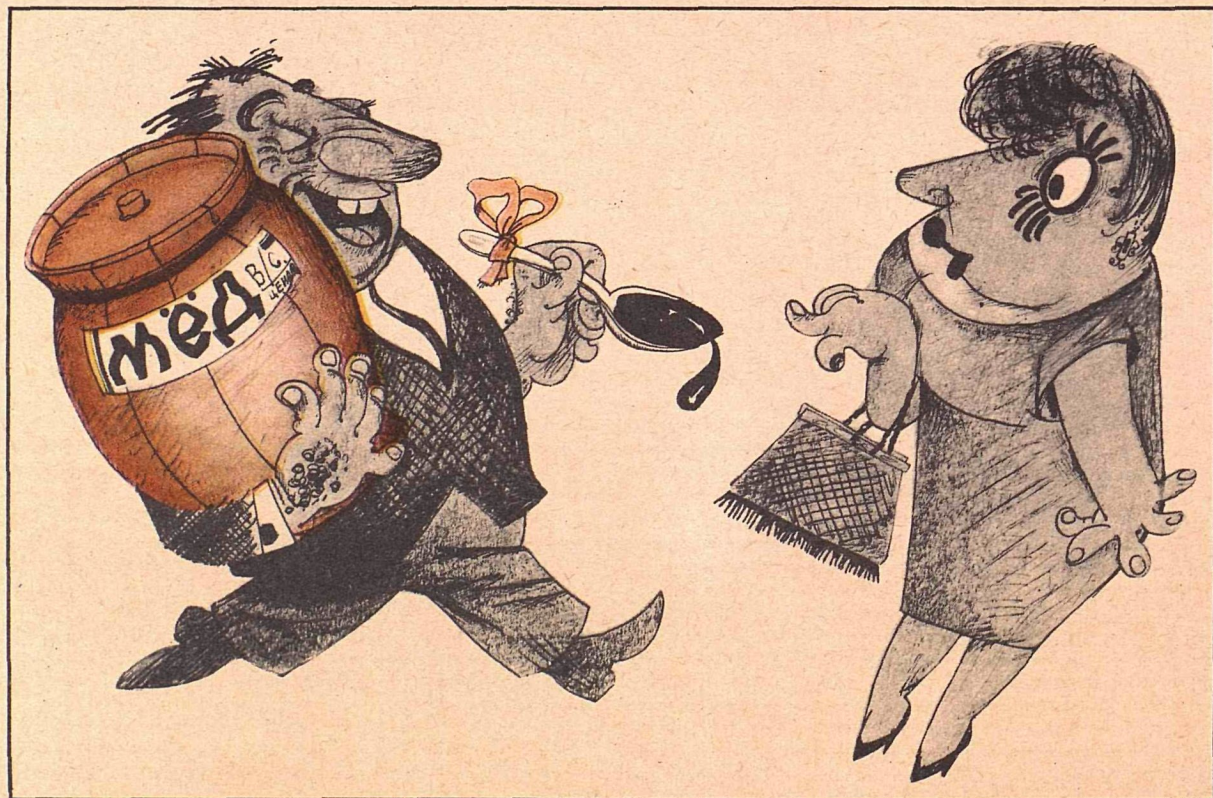
Другой, которому нужно было идти на занятия в техникум, подержал:

— Правильно, давайте это мероприятие перенесем на завтра.

На минуту задумались, и кто-то грустно сказал:

— Я — за. По этому поводу надо выпить.

— Чего? — спросил Пузырьков.

— А ложка с дегтем зачем?
— В нагрузку.

Рисунок О. КОРНЕВА

— Конечно, нарзану.
— Нарзан — это для пенсионеров, — не понял шутки Пузырьков, — а по кружке пива, пожалуй, можно.

Ребята заказали по шашлыку и бутылке пива. На душе сделалось тепло. Кому-то захотелось, чтобы было еще теплее.

— Пузырьков, отчего все беды у рабочего человека?

— От водки.
— Правильно! — поддержали все.

— Так давайте не будем пить водку.

— Не будем! — радостно грянули ребята.

— А выпьем вина.
— Выпьем... То есть как это выпьем?

— А так, закажем и выпьем. Только по стаканчику. Немножко. Решили, что немножко можно. Голоса стали громче, на душе стало жарче. В пищеводах зажглись маленькие огонечки.

— Ой, что это? — сказал кто-то, ощупывая выступ на одежде.

Он ссутулится, глубоко опустил руку во внутренний карман и вытащил бутылку «Московской».

— Водка! — удивленно выдохнули все.

— Что же с ней делать? — с досадой поморщился владелец.

— Я предлагаю выпить, — раздался чей-то предательский голос.

Компания оскорбилась:
— Одну на всех? — и выгнала предателя в «Гастроном» напротив за покупкой.

Водка, что бензин в огонь: в пищеводах запылали пожары. Пожарников не вызвали, и огонь перекинулся в головы. Песни пели с чувством, причем каждый свою.

— В нашем полку прибыло, — сказал кто-то, когда в шашлычную вошли дружинники.

— В нашем полку убыло, — сказал через минуту швейцар и помахал вслед: — До следующей получки.

«КТО-ТО»

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

В прекрасном настроении я сел писать письмо жене, с которой не виделся уже месяц. Написав письмо, я положил его в конверт и провел языком по обведенной клеем кромке. Прижал конверт ладонью к столу и только отпустил ее, как конверт отклеился.

— Ребята, одолжите конверт, — обратился я к соседям по гостинице, таким же командированным, как и я сам.

На стол легло еще четыре конверта.

Второй конверт я клеил гораздо осторожнее. Сперва визуально изучил узенькую коричневатую полоску клея, потом долго водил по ней языком и лишь тогда крепко надавил на конверт ладонью. Конверт и не думал заклеиваться.

«Надо менять метод», — решил я.

И третий конверт клеил уже по-другому. Я только слегка смочил его и навалился всей грудью на ладонь, прижатую к конверту. Результат превзошел самые лучшие ожидания. Конверт продержался заклеенным двенадцать секунд. Я был на верном пути. А впереди оставались еще две попытки.

К четвертому конверту я приступил после перекура. Тщательно обдумал порядок действий и, обнадеживающе подмигнув окружившим меня соседям, высунул язык. Дальше события развивались по заранее обдуманному плану. Широкий мазок языком по конверту, потом ласковое, прижимающее движение большим пальцем, и — ура! — конверт заклеился.

— Ура! — закричал я, но моментально осекся: клапан конверта медленно поднимался вверх.

И тут соседи по комнате не выдержали. Из скромных, безобидных созерцателей они превратились в экзальтированных, необузданных папуасов. Они схватили последний, пятый

конверт, вложили туда письмо, дали мне где-то лизнуть языком и бросились с силой прижимать конверт к столу. Я тоже включился в это дело, и на этот раз нам наверняка удалось бы заклеить конверт, если бы ножка стола продержалась еще секунду. Но, как назло, она сломалась, не дотянув до счастливого финала...

Мы поднимались с пола, тяжело дыша, с ненавистью глядя на вальяжный незакаленный конверт.

— Ну и столы у нас делают! — нарушил тишину один из нас, потирая ушибленное колено.

— Барахло, а не стол, — сказал другой.

— Правильно! — замитинговали остальные.

И мы тут же написали коллективную жалобу в управление мебельной промышленности.

«ПОСТРАДАВШИЙ»

ЛЯЛЬКА

Из достоверных источников известно, что во Франции женщины тратят денег на свои туалеты гораздо меньше, чем мужчины. Такой экономии они достигают за счет сокращения площадей тела, покрываемых одеждой. Если это правда, то моя сестра Лялька намного опередила француженок. За счет моды она экономит куда больше.

Ну вот, я вижу, вы уже подумали, что моя сестра щеголяет чуть ли не в купальнике без верха. Ошибаетесь. Лялька — девушка скромная. А чтобы не отстать от моды, она использует не совсем обычные средства.

Началось с того, что однажды я обнаружил пропажу своих лучших брюк. Это случилось, когда Лялька превратилась в девушку и поразительно быстро начала разбираться в женских модах. Мои

брюки она перешила себе на соседской швейной машине с помощью маминых рук (сама она шить не умеет — сейчас это не модно).

За брюками пошла в ход мои рубашки. Девушки почему-то решили, что мужские рубашки лучше подчеркивают женственность их фигур. Наконец, дошла очередь до моей котиковой шапки. Ее даже переделывать не пришлось: разница в объемах наших черепов компенсировалась величиной Лялькиной прически.

А вот совсем недавно, когда я, вернувшись из командировки в Ленинград, привез оттуда чудесный голубой шарф, Лялька молча отобрала его у меня и небрежно произнесла:

— В следующий раз будешь покупать, бери сразу два.

Я подумал, что она, наконец-то, стала думать не только о себе, но и обо мне, и, прикинувшись непонимающим, удивился:

— Зачем два? Шей-то у меня одна.

— Шей у тебя одна, но ног у меня две, — отрезала она и величественно удалилась с моим шарфом в руках.

Уже после я узнал о новой женской моде: шить чулки из мужских шарфов.

Я чувствую, что мне больше не выдержать капризов моды и поэтому хочу спросить у вас: не собираетесь ли вы жениться? Я могу вас познакомить со своей сестрой Лялькой. Она очень красивая девушка, рост — 162 сантиметра, размер одежды — 48, размер головы — 56 (но учтите, что там половина волос).

«ЛЯЛЬКИН БРАТ»

ВЫПУСК 1967

АРГО

КНИГА КОСТЬ

Ушел Читатель в Книгу с головою —
Его уместно в случае таком
Сравнить с гурманом-едоком,
Который занят Костью мозговою.
Он должен все усилия напречь,
Чтобы оттуда мозг извлечь
И насладиться —
Для этого, мол, стоит потрудиться!
Сравнение это на своем столе
Я отыскал в творениях Рабле,
И, оговорку сделав таковую,
Я далее иду, поставив запятую,
И продолжаю.

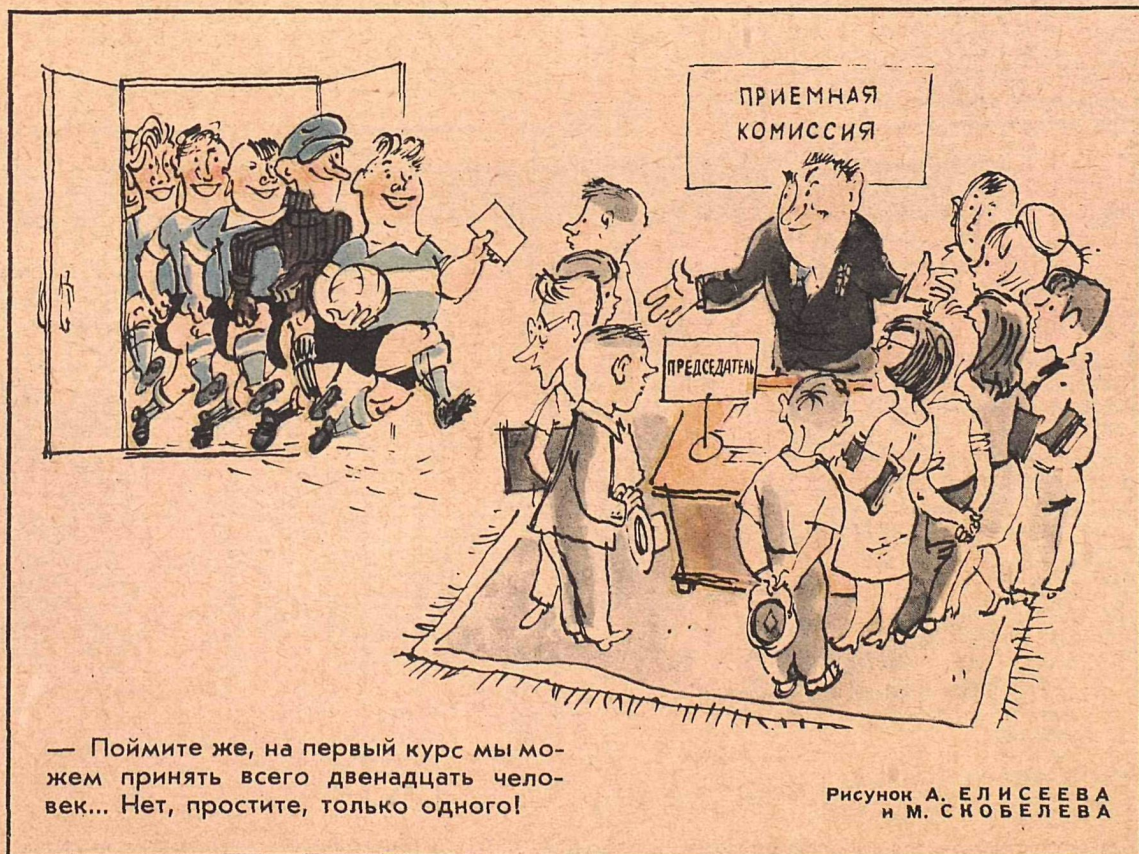
Отходя ко сну,
Я почитать хотел в постели по привычке,
Но погрузился в сон на первой же страничке.

И снится мне, что будто Кость грызу,
И множество усилий трачу,
И наконец разгрыз...

Решил задачу!

А как с мозгами?
Ни в одном глазу!
Мозг в Кости не был обнаружен!

Морали нет, и вывод здесь не нужен.

— Поймите же, на первый курс мы можем принять всего двенадцать человек... Нет, простите, только одного!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА
и М. СКОБЕЛЕВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Как ты узнаешь время, Жора? Часов-то у тебя нет!
— А я выключаю трансистор на полную мощь, и тогда кто-нибудь из соседей обязательно крикнет: «Эй, Жора, заткни рупор, уже три часа ночи!»

— Официант, почему у этого рака одна клешня?
— Он подрался в котле с другим.
— Подайте победителя.

— Все мое богатство — это моя голова.
— Не печалься, мой друг, бедность — не порок!..

— Ты обратила внимание, Мадлен, что наши соседи, супруги Джексон, сегодня не кричат друг на друга.
— Наверное, поссорились.

— Как вы думаете, мистер Браун, какие цветы мне больше к лицу?
— Искусственные, мадам.

Муж и жена обкатывают новую машину. Внезапно мотор глохнет.
— Проклятые свечи! — ворчит супруг.

— Вполне естественно, милый, — отклоняется жена, — на улице такой сильный ветер...

Молодой автор написал киносценарий и принес его одному из голливудских кинобоссов. Читая свое произведение, автор от волнения ужасно запинался и заикался.
— О'ней, я беру сценарий, — сказал босс.

— Не понимаю, — сказал режиссер. — Что вам в нем понравилось?
— Но ведь это же гениально: все до одного персонажи заикаются!..

Маленькая девочка идет с мамой по улице. Навстречу им — бульдог.
— Мама, — говорит девочка, — как он похож на дядю Альфреда!

— Т-сс. Как тебе не стыдно!
— Ты думаешь, собачка услышала?

Муж спрашивает жену:
— Ты обратила внимание на ту даму, которая только что прошла мимо нас?

— Ты о ком говоришь, Петер? О той — с крашеными волосами, фальшивыми ресницами, в длинном безвкусном сиреневом нахотаном пальто и старомодной фетровой шляпке? С какой стати я стану обращать на нее внимание?

ПЯТИБОРЬЕ ОСТРО

Итак, дорогие товарищи пятиборцы и болельщики, позади четвертый, предпоследний тур. Среди его участников — жители многих городов и весей — от Шуи до Сочи, от Киева до Владивостока, от прохладного Норильска до знойного Ашхабада.

На турнирную дорожку вышли и подружки-студентки (Валя, Клава, Галя, Рая) из Ташкента, и солидные пенсионеры, и одинокие граждане средних лет, и целые семьи, например, «Рытов с сыновьями» из города Куйбышева. И даже, представьте себе, Олег Дубовик, семи лет от роду. Последнего особо поздравляем с феноменальным для такого возраста умением печатать на пишущей машинке.

Четвертый тур включал два задания. Первое — составление из беспорядочного набора слов трех анекдотов — одним далось легко, другим с трудом, третьи его совсем не одолели. И, понятно, огорчаются. А москвичка Галушинская так прямо и заявляет: «Анекдотов по данным словам не сочинишь. Едва кровоизлияние не получила. Но если в задании что-нибудь не так, держись, Крокодил! Своих творческих мук я не прошу...»

Подтверждаем: задание было без единой ошибки. Вот они, три анекдота, которые одним не удалось, а иными пятиборцами составлены безукоризненно.

— Я хотела посоветоваться, господин адвокат, достаточно ли у меня причин для развода.
— А вы пока еще живете с мужем?
— Разумеется.
— Значит, можно не сомневаться: вполне достаточно.

* * *

Ивановы устроили вечеринку в честь известного полярника. Оставшись наедине с почетным гостем, хозяйка не знала, чем его занять. Наконец ее осенила спасительная мысль.
— Не желаете ли вы взглянуть на наш холодильник? — спросила она.

* * *

На прием к миллионеру был приглашен знаменитый скрипач. Приехав в особняк, он показал хозяйке дома свою скрипку и сказал:

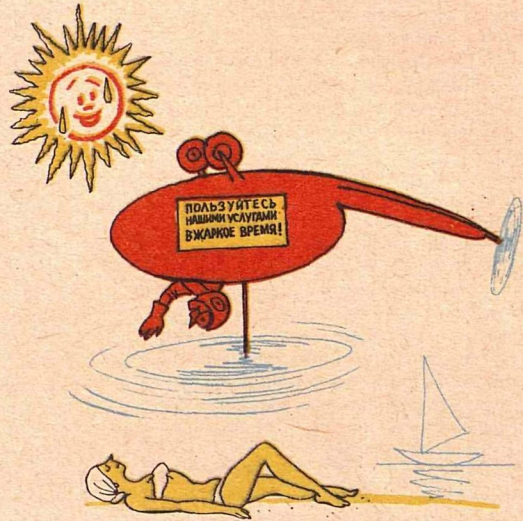
— На этой скрипке я сегодня буду играть. Ей более двухсот лет.
— Не беда, — махнула рукой хозяйка. — Никто даже не заметит!

Признаем, однако: задача была не из легких. Поэтому за каждый точно воспроизведенный анекдот присуждаем четыре очка.

Второе задание четвертого тура состояло в том, чтобы составить четыре изюшутки из разрозненных элементов.

С этим заданием справилось больше пятиборцев: оно было, вполне очевидно, полегче. За каждую из точно сложенных изюшуток присуждается по два очка.

Как водится, чем ближе финиш, тем азартнее соревнование. Многие пятиборцы идут буквально голова в голову... Выявились несколько новых лидеров, а некоторые прежние «сошли с дорожки» [может быть, временно].

ВОТ КТО ЛИДИРУЕТ ПОСЛЕ ЧЕТЫРЕХ ТУРОВ ПЯТИБОРЬЯ

Фамилии	Кол-во очков, набранное в первых 3 турах	Очки 4-го тура	Общая сумма очков	Место после 4 туров
Г. Шмульян (Одесса)	20	16	36	1
Ю. Жукралюс (Москва)	28	6	34	2-3
Н. Кузнецов (Москва)	26	8	34	2-3
И. Гусаченко (Киев)	20	8	28	4
Е. Новичихин (Воронеж)	21	6	27	5
Ю. Ионов, Г. Иванов (с. Троицко-Печерск, Коми АССР)	17	8	25	6
А. Мурашов (Москва)	14	10	24	7-8
В. Штейн (Донецк)	20	4	24	7-8
А. Опалинский (Одесса)	15	8	23	9
В. Ожерелков (Ярославль)	16	4	20	10
Л. Попов (г. Щеркино, Тульск. обл.)	15	4	19	11
Ю. Таран (Томск)	—	18	18	12-18
Н. Гордонов (Ленинград)	—	18	18	12-18
В. Швецов (Москва)	—	18	18	12-18
Н. Старгородский (Норильск)	—	18	18	12-18
Л. Конинова (п. Воротынец, Горьк. обл.)	—	18	18	12-18
А. и В. Бартеневы (Харьков)	—	18	18	12-18
Д. Марковская (г. Мирный)	—	18	18	12-18
Ф. Казаков (Ростов-на-Дону)	11	6	17	19
М. Гринин (Рязань)	16	—	16	20-24
В. Лямин (Пермь)	10	6	16	20-24
Л. Лях (Краснодар)	—	16	16	20-24
Г. Федорова (Джезказган)	—	16	16	20-24
А. Семенов (Москва)	—	16	16	20-24

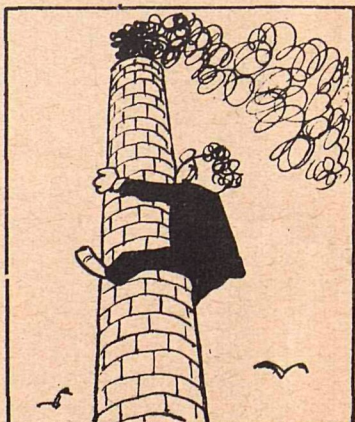
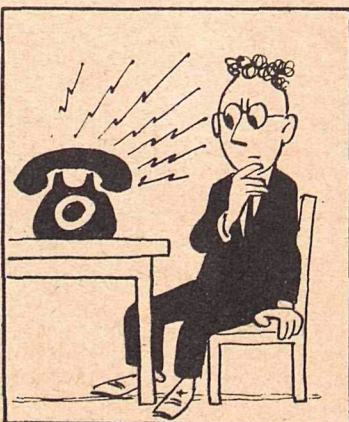
Вооружитесь карандашом (можно ручкой) и постарайтесь с максимальным блеском выполнить следующие три задания:

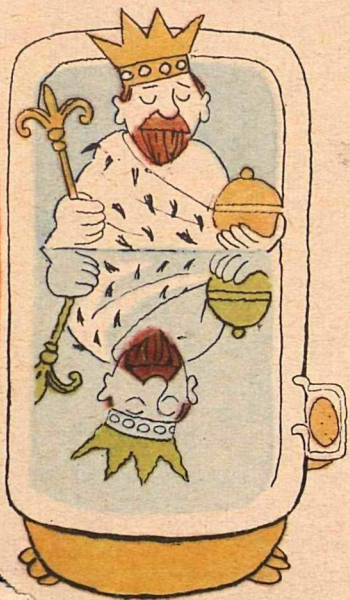
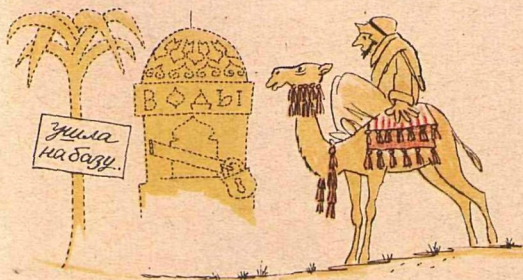
1. Напишите смешное стихотворение, воспользовавшись готовыми рифмами, которые мы предоставляем в ваше полное распоряжение. Стихотворный размер любой, но порядок рифм — заданный нами. Называется стихотворение коротко и выразительно «ОХ!».

дни
цыпленка
огни
фотопленка
домой
железной
хромой
полезной
ребро
добро.

А теперь — за работу!

2. Перед вами начало и конец номинкса — забавной истории в картинках. Задание — восстановить пропущенные сюжетные звенья, вставив в середину не менее одной и не более пяти картинок. Не умеете рисовать — не беда. Важно не качество изображения, а остроумие. Принимаются любые наброски, лишь бы было понятно, какие обстоятельства заглажи этого человека на трубу. На худой конец можете изложить сюжет словесно.

3. Ответьте как можно короче и как можно остроумнее на следующие пять вопросов:

а) Если бы вам встретился на улице живой Швейк, что бы вы ему сказали!

б) Вы поругались с начальником, но, только хлопнув дверью, обнаружили, что забыли у него на столе очки. Как поступить в этом случае!

в) Что бы вы сделали, заказав Посылторгу лыжи и получив вместо них балалайку!

г) Назовите три случая, когда люди гибнут за металл.

д) Настанет день, когда язык, на котором говорят дельфины, будет расшифрован. С какими словами вы обратились бы к людям, будь вы дельфином!

Итак, пятиборцы выходят на финишную прямую. Еще одно, последнее усилие, и станут известны имена победителей.

Последний срок присылки ответов — 20 сентября.

«Часть ветхой литературы сдана в макулатуру, а часть уничтожена путем мелкой резни».

(Из акта.)

Копию снял В. ЩЕРБАКОВ.

г. Москва.

В доме № 4 по улице Маркса горячая вода подается по графику.

Однажды график был нарушен. Вскоре, однако, домоуправление свою задолженность по горячей воде ликвидировало. О чем и свидетельствует вот это оригинальное объявление:

«ТОВ. ЖИЛЬЦЫ! СЕГОДНЯ, ТО ЕСТЬ 15.05.67 г., БУДЕТ ПОДАВАТЬСЯ ГОРЯЧАЯ ВОДА ЗА ЗАДЫ».

В. СИВКОВ.

г. Златоуст.

«Я родился по месту жительства и жил по месту рождения».

(Из автобиографии.)

Выписал И. БАЗЮК.

пос. Башанга,
Калмыцкой АССР.

«Мою женитьбу на гражданке Ивановой прошу считать недействительной, потому что она меня присвоила, когда я стоял у нее на квартире».

(Из заявления в нарсуд.)

Переписал М. САВЛЕВ.

г. Лукоянов.

«В том же отделении за мешками нашли папиросу с накрашенными губами».

(Из выступления.)

Услышал М. ГАШЕВ.

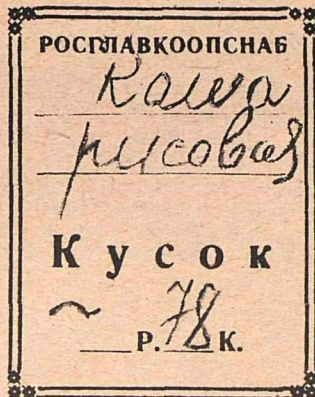
г. Пермь.

«На токаря Волкова поступила рекламация из медвытрезвителя».

(Из письма в редакцию газеты.)

Выписал В. ВЫСОКОСОВ.

г. Орел.

Прислал В. СЕМЕНОВ.

Дальнеконстантиновский район,
Горьковской области.

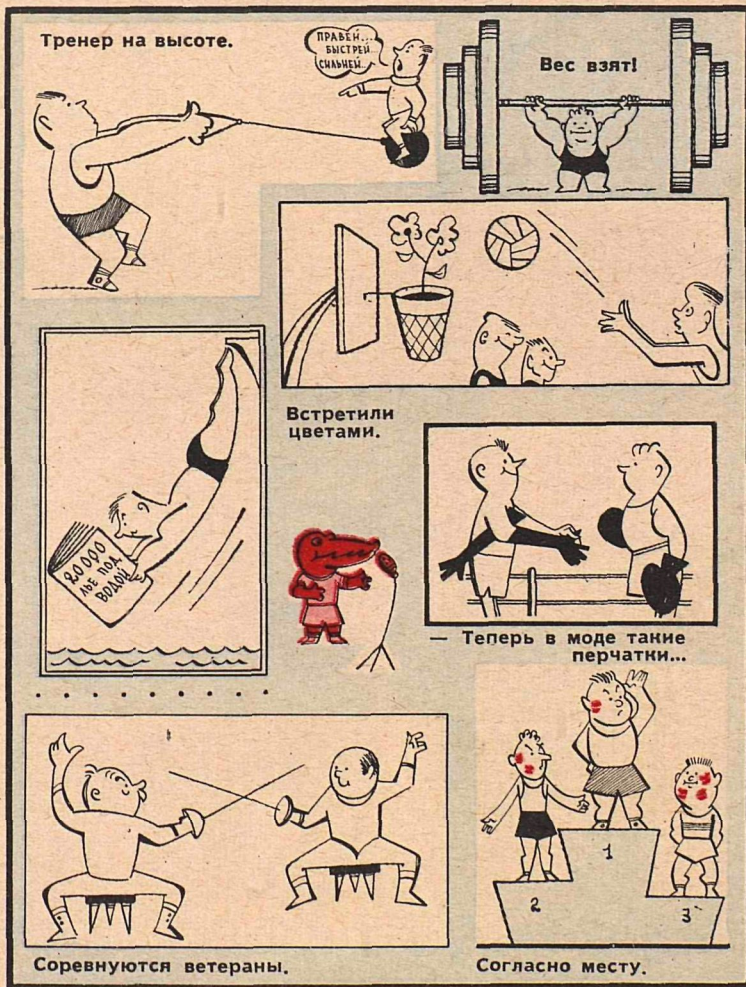
«Две селедки не могли победить паршивую бутылку водки. В результате две недели пришлось ходить с метлой на плече».

(Из объяснения.)

Копию снял И. РОМАНОВ.

г. Ставрополь.

ИЗОРЕПОРТАЖ СО СПАРТАКИАДЫ

Соревнуются ветераны.

Согласно месту.

Рисунки М. ВАЙСБОРДА

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера разработали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Воеводин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, О. Корнев, Э. Молоканов, О. Нагорняк, Г. Пирцхалава, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тамаев, В. Тильман, Ю. Федоров, Е. Шабельник.

наш адрес:

МОСКВА А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00164.
Подписано к печати
19/VI 1967
Формат бумаги 70×108½.
Объем 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 1185.
Заказ № 1983.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

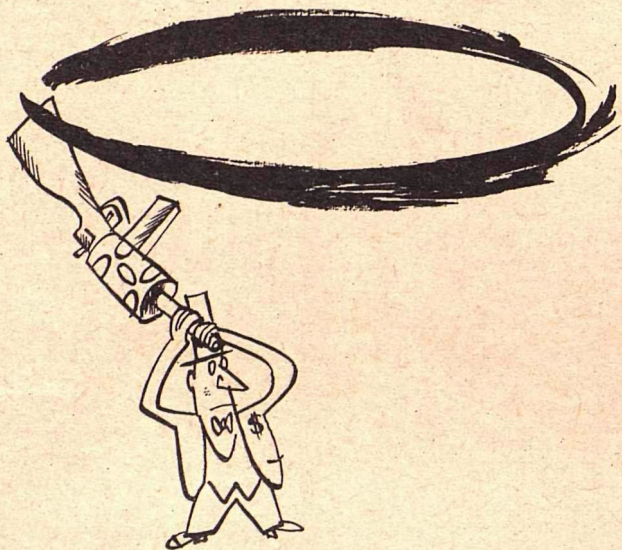

31 июля 1967.

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬ. ЭКЗЕМПЛЯР
1967 г.

37250

Георгий АНАСТАСОВ
(БОЛГАРИЯ)

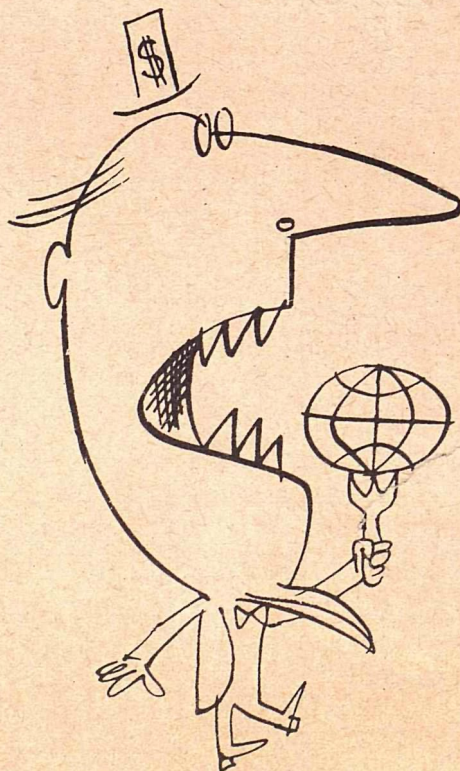
Круг американских интересов в Азии.

— Что-то сказали о мире!

Боннская музыка.

Аппетит.